

**НОВЫЕ
ГЕРОИ**

**НАШ ЧЕЛОВЕК
В МИРЕ ГНОМОВ**

СЕРГЕЙ ШКЕНЁВ

**ДЖОННИ
ОКЛАХОМА,
ИЛИ МАГИЯ КРУПНОГО КАЛИБРА**

Annotation

Иван Смирнов, известный среди друзей как Джонни Оклахома, оказался в магическом мире. Отныне он – наследник графа Оклендхайма и среди его друзей – боевой маг, природная ведьма и варварский князь. Все вместе они едут учиться по обмену в Лунгдумский Университет – средоточие магической научной мысли империи. Правда, героев недавнего подавления гномьего бунта, инспирированного спецслужбами Лунгдума, желает видеть в гробу чуть ли не половина населения вражеской столицы, включая ректора Университета и его преподавателей. Но наши герои не останутся в долгу! Дуэли, заговоры, интриги, скучные лекции, кабацкие драки, лабораторные опыты, восстание в провинции... Как умеют, так и развлекаются...

Сергей Шкенёв

Джонни Оклахома, или Магия крупного калибра

Серия основана в 2010 г.

Разработка серийного оформления художника *А. Матвеева*

В оформлении переплета использована работа художника *Е. Деко*

© Шкенёв С.Н., 2017

© ООО «Издательство «Яуза», 2017

© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Где-то во времени и пространстве. Точный адрес неизвестен.

Боги, они как люди. Со своими радостями, со своими огорчениями, со своими проблемами.

Вот как раз по поводу проблем и встретились две сущности, известные в своём мире как Небесные Боги. Всего двое, так как остальные давно отошли от активных дел и служили скорее символами, чем реально влияли на жизнь подвластного мира. Зачем лишние заботы добившимся успеха? Полученный результат всё равно не стоит и малой толики затраченных усилий.

Но эти двое придерживались иного мнения.

Первый подхватил пролетающий мимо клочок сиреневого тумана и раскатал его в тонкий блин, сформировав подобие экрана.

– Смотри, – первая сущность указала на появившееся изображение. – Вот они, наши проблемы.

Молодой человек с портрета улыбнулся оратору и показал неприличный жест.

– Виконт Джонни Оклендхайм, сын грумантского графа Людвиг Оклендхайма. В своём мире носил имя Иван Смирнов. Зброшен к нам неизвестным катаклизмом и сразу вмешался во внутреннюю жизнь мира, нарушив естественный ход событий. Отметился в недавнем подавлении гномьего бунта в королевстве Грумант. Обладает магической силой предположительно первого уровня.

– Так не бывает, – категорически заявила вторая сущность.

– И тем не менее так оно и есть. Предполагаю, что виконт Оклендхайм связан с... ну, ты понимаешь, о чём я хочу сказать.

– А вот это тревожно.

– Ещё как. Если мои подозрения подтвердятся, то нам не стоит даже пытаться ему мешать. Ответные действия непредсказуемы. Они вообще не поддаются прогнозам.

– Плохо. Но он ведь не один? Кто там ещё?

– Их много, – на сиреновом тумане появился следующий портрет. – Жена виконта – леди Ирэна Оклендхайм. Тоже попала в этот мир в результате неизвестного катаклизма. Природная боевая ведьма.

– Так мы же последнюю давным-давно уничтожили. Эксперимент признан неудачным, и опытные образцы подлежали немедленной утилизации. Разве не так?

– Не столько неудачным, сколько опасным для нас. Ведьмы с магией третьего уровня и с перспективой развития способностей до второго... Нам это надо?

– И тем не менее в настоящее время одна природная боевая ведьма существует.

– А что делать? Я, например, не хочу связываться с... ну, ты понимаешь. Остаётся только наблюдать и рассчитывать, что прочие пришельцы не обладают столь выдающимися способностями.

– Много их ещё?

– Ещё трое. Первым по времени к нам попал некто Лаврентий Борисович Кац, в своём мире известный под именами «товарищ Эрнесто де Пуэбло», «товарищ Ляо», «полковник Неумывакин», «сеньор Лучано», «дон Луиджи».

– Из КГБ? – проявила неожиданную осведомлённость вторая сущность.

– А вот это точно неизвестно. В настоящее время – король Груманта Джеронимо Первый Ланца.

– Я подозревал, что тут дело нечисто. Ну а остальные?

– Остальные попроще. Обычный полицейский, участковый инспектор Сергей Тетюшев, он же риттер Съёрг фон Тетюш, и доктор технических наук, боксёр-тяжеловес Владимир Бородулин. Последний вселился в тело вождя северных варваров и особой опасности не представляет. Магические способности минимальны.

– Да, дела... – задумчиво протянула вторая сущность. – И что будем делать?

– Во-первых, нам не стоит предпринимать резких движений, – первая сущность развеяла туманный экран. – А во-вторых, мы должны попытаться войти в контакт с Иваном Смирновым, то есть виконтом Оклендхаймом, и добиться от него права связаться напрямую с... ну, ты понимаешь, о чём я хочу сказать.

– А если виконт не захочет?

– Мы будем убедительны. Поможем ему кое в чём, в конце-то концов. Пусть почувствует себя обязанным, и из благодарности... Можешь не верить в человеческую благодарность, но она иногда встречается. Очень редко, но встречается.

– Не стану спорить.

– Да, не спорь со мной, пожалуйста. За шесть тысяч лет мы напорились досыта.

* * *

А сами герои обсуждения в высших сферах не ломали голову над вопросом, как они попали в этот мир. Просто они точно знали ответ. И не очень-то переживали из-за попадания, так как почти все из-за него оказались в выигрыше.

Лаврентий Борисович Кац из почтенного и слабого здоровьем старика возрастом под сотню лет (по другим данным, он давно перешагнул вековой рубеж) стал тридцатилетним герцогом, а впоследствии и королём.

Иван Смирнов, передвигавшийся на костылях из-за парализованных после ранения ног, получил новое тело с неплохими физическими данными. Ещё кучу долгов в наследство, но этот вопрос решили совместными усилиями довольно быстро.

Ирка стала юной красавицей. Рыжей, как и была. И наконец-то вышла замуж за Ивана. А тот и не возражал.

Серёга Тетюшев особо не выиграл, но и не проиграл. Служба осточертела, родственников не осталось, а тут весело. Что ещё нужно, чтобы достойно проводить юность и встретить зрелость?

А в Вову Бородулина вообще ещё на Земле вселился вызванный сектантами демон, и ему ничего не оставалось, кроме как срочно сматываться в другой мир, прихватив остальных во избежание неприятных последствий.

Вот так и попали. Мучила ли их совесть из-за использования чужих тел? Нет, не мучила. Сознание вселялось за несколько мгновений до гибели предыдущего владельца, так что никаких угрызений.

Некогда её угрызать, эту совесть. То с маркизом-разбойником разбирались, то с жадными банкирами из религиозно-финансового Братства Маммоны вопросы решали. А

потом вообще начался бунт упившихся наркотических зелий гномов.

Из передряг вышли с честью и прибылью и после усмирения беспорядков получили предложение учиться в столичном университете извечного противника. В империи. В империи без названия, не нуждавшейся в лишних эпитетах.

Имперцы хотят заполучить героев недавних битв? Ну что же, тем хуже для империи.

Глава 1

В жизни ректора Императорского Университета случается не так уж много неприятностей, и в основе своей она состоит из необременительных обязанностей и увлекательного отдыха от оных. Но сегодня почтенный гросс-магистр граф Артур фон Юрбаркас пребывал в предчувствии крупных проблем и размышлял о способах их избежания. Деканы факультетов, застывшие в почтительных позах, безуспешно ожидали начальственных указаний.

Наконец, после долгого молчания, ректор соизволил разомкнуть губы:

– Господа, я созвал вас на совет. Да, вы не ослышались, именно на совет.

Опытные магистры, съевшие не один десяток собак на околонаучных и внутриуниверситетских интригах, сразу загрустили, хотя не все позволили эмоциям отразиться на лице. Объявление о сборе совета означало желание гросс-магистра если и не уйти от ответственности, то хотя бы сделать её коллективной, разделив возможное наказание пропорционально заслугам перед самим ректором.

– Итак, господа, – продолжил сэр Артур, – можем ли мы отказаться принять на обучение прибывших из Груманта студентов?

– Если только девушку, – с сомнением протянул декан погодного факультета. – Да и то, глядя правде в глаза, это сделать очень и очень трудно.

– Почему же? – поинтересовался ректор. – Что нам помешает?

– Отсутствие в уставе Университета прямого запрета на обучение женщин. А ещё наш отказ может бросить тень на репутацию Его Императорского Величества, не указавшего в приглашении желательный пол будущих студентов.

На мгновение всем показалось, что в кабинете похолодало и тени в углах приобрели форму Шестиугольной Башни, в которой последние три сотни лет располагался Секретариат Особых Дел при канцелярии Его Императорского Величества. Неприятное место, куда очень легко попасть, но откуда почти невозможно выбраться.

– Император не может ошибаться! – сэр Артур с укоризной посмотрел на декана погодного факультета. – И если он не обозначил в своём приглашении нежелательность женского присутствия в Университете, то мы не имеем права отказать виконтессе Оклендхайм по этой причине.

– Именно так я и собирался сказать с самого начала, сэр Артур!

– Собирались, но не сказали, – отмахнулся ректор. – И вообще, мне нужны идеи, а не бесполезные слова. Господа, у кого есть идеи?

Декан факультета бытовой магии, румяный толстяк с розовой лысиной профессионального прожигателя жизни, задумчиво произнёс:

– А не является ли эта виконтесса родственницей известного преступника графа Оклендхайма, уличённого в геноциде гномьего населения на территории королевства Грумант, отягчённого использованием запрещённых методов ведения войны?

Гросс-магистр хлопнул ладонью по столешнице:

– Ваши слова сами по себе тянут на коронное преступление, магистр фон Зальца, и нам лучше сделать вид, будто они никогда не были произнесены вслух. Его Императорское Величество повелел считать выступление гномов в Груманте мятежом против законной власти, а для подавления бунта, как известно, не существует запрещённых методов. Мало

того, среди наших будущих студентов есть тот самый риттер фон Тетюш, вместе с упомянутым графом Оклендхаймом уничтоживший... разгромивший... хм... принудивший к миру маскирующиеся под регулярный хирд банды обнаглевших коротышек.

Фон Зальца поморщился, но не стал возражать гросс-магистру. Вместо этого он попросил:

– А нельзя ли огласить весь список прибывающих студентов?

Сэр Артур пожал плечами и бросил на стол сложенный вдвое лист бумаги:

– Читайте вслух.

Декан кивнул, забрал список и огласил:

– Первым у нас обозначен виконт Джонни Оклендхайм. Этот тоже родственник старого графа?

– Единственный сын и наследник. Но вы не отвлекайтесь!

– Вторым, то есть второй, идёт его жена, леди Ирэна Оклендхайм.

– Жена? – удивился декан погодного факультета. – Но общежитие нашего Университета не предназначено для проживания семейных пар, а студенты первых двух курсов не имеют права снимать жильё в городе. Это древняя традиция, господа.

– Вот как? – оживился ректор. – Тогда это послужит неплохим поводом для отказа. Впрочем, мы ещё вернёмся к обсуждению данного вопроса. Продолжайте, Иоахим, продолжайте!

Обращение к подчинённому по имени явно свидетельствовало об улучшении настроения гросс-магистра. Вырисовывалось решение проблемы, а выполнение невысказанного пожелания Его Императорского Величества приобрело все шансы на осуществление. Не зря повелитель так морщился, передавая список? Значит, он был недоволен, и долг каждого подданного заключается в том, чтобы причин императорского недовольства становилось всё меньше и меньше.

– На третьем месте записан полковник грумантской пограничной стражи Карл Гржимек. Странно...

– Наш Университет не обучает военных.

– Прошу прощения, тут указано, что упомянутый полковник находится в отставке и к дальнейшей службе не пригоден по причине тяжёлой болезни.

– Этого ещё не хватало! – возмутился всё тот же декан погодного факультета. – Он не заразный?

– Представления не имею. Что это вообще за заболевания – гомофобия и похвальная тяга к линчеванию?

– Первый раз слышу, – покачал головой главный целитель Университета в ранге майор-магистра. – Но если тяга похвальная, то вряд ли его заболевание является заразным. Скорее всего, это свойственная военным деформация личности, выражающаяся в болезненном стремлении к хвастовству. Вы же знаете наших вояк, господа, и не думаю, что грумантцы хоть чем-то от них отличаются.

– Тогда ладно. Продолжайте, Иоахим.

– Спасибо за разрешение, – раздражённо бросил фон Зальца, но продолжил чтение. – И далее в списке риттер фон Тетюш, отличившийся при подавлении недавних беспорядков. Хладнокровный палач и убийца.

– Что, прямо так и написано? – удивился ректор.

– Простите, сэр Артур, это моё собственное мнение. Когда вкладываешь приличные

деньги в такое надёжное предприятие, как гномий хирд, а потом никому не известный риттер... Обидно, сэра Артур!

– Пустое, Иоахим. Забудьте про потери и продолжайте чтение.

Фон Зальца посмотрел на бумагу и тут же поднял удивлённые глаза:

– Норваец?

– Кто норваец? – не понял главный целитель. – Откуда им тут взяться? Да скорее небо упадёт на землю, чем в нас благословенный Небесными Богами приют возвышенной науки ступит нога грязного северного варвара.

– Вынужден вас огорчить, майор-магистр, но скоро сюда ступят целые две ноги.

– Каким образом?

– Последним в этом списке указан норвайский рикс Вован Безумный из рода Синяя Борода.

Главный целитель мельком бросил взгляд в окно, будто бы проверяя целостность так и не упавшего на землю неба, и крикнул:

– Такого не может быть, потому что этого не может быть никогда!

Ректор опять хлопнул ладонью по столешнице:

– Это воля императора, и мы обязаны её выполнить!

– Но...

– Но император дал понять, что не желает видеть в Университете ни убийц-риттеров, ни грязных варваров, ни больных полковников, и тем более не желает видеть отродье преступного графа вместе с его девкой!

Неожиданно подал голос скромный секретарь ректора, с самого начала молча стоявший за высокой конторкой у двери в кабинет:

– Экселенц, невысказанные пожелания Его Императорского Величества довольно просто выполнить, если дословно следовать существующим указам и отданным официально распоряжениям.

– Каким образом? – сразу заинтересовался главный целитель, всегда подозревавший, что на самом деле Университетом руководит этот невзрачный бумажный паучок, а не его редко появляющееся на рабочем месте начальство. И к мнению статс-секретаря Джованни Моргана стоит прислушаться.

– Всё очень просто, господа. Более чем просто.

– Изволь пояснить, Джованни, – гросс-магистр поощряющее кивнул, разрешая говорить. – Не стесняйся.

Тот поклонился ректору и улыбнулся:

– Нам же приказано принять студентов из Груманта, не так ли? И что нам мешает поселить их в общежитии согласно традициям и сделать вид, будто ничего не происходит?

– А что-то должно происходить?

– Дуэли, экселенц. Единственная женщина среди шести с лишним сотен великовозрастных лоботрясов... Да будь это даже бородатая гномка, за её внимание и благосклонность развернётся настоящая война. И кто, как вы думаете, станет первой жертвой той войны?

– Дуэли, между прочим, запрещены эдиктом покойного императора Джорджа Четырнадцатого.

– Но не на территории Университета, экселенц. Я со всем тщанием изучил текст эдикта, и там говорится о запрете поединков на людных улицах, площадях и рынках. Если позволите,

то я могу прочитать студентам несколько лекций по законодательству империи, упомянув данный запрет как образец неправильного толкования воли императора его необразованными подданными.

– И ты думаешь, они поймут намёк?

– Умные поймут, а дуракам достаточно взять их в качестве примера для подражания. А в случае с варваром и объяснений не потребуется – северное побережье империи постоянно страдает от набегов норвайских дружин, и само существование рикса является достаточным поводом для его убийства. Тем более что при правильном толковании закона оно убийством и не будет.

– А остальные двое?

– Неужели дворяне не вступятся за соотечественника?

– За норвайца?

– За виконта Оклендхайма, экселенц!

– Любопытно... – гросс-магистр на мгновение задумался, а потом на его лице появилась улыбка. – И кого, мой любезный Джованни, ты видишь главным исполнителем этого плана?

Деканы заволновались, и фон Зальца выразил общее мнение:

– Такое дело нельзя доверить человеку неблагородного происхождения. Нисколько не сомневаюсь в способностях почтенного статс-секретаря, но в Императорском Университете обучаются исключительно дворяне, так что некоторые вопросы ему никак не решить. Это мы с вами, господа, способны оценить острый ум, образованность и стремление к самосовершенствованию, а у юных дебилов... простите, у юных дворян превыше всего ценятся древность рода и количество марок в сундуках. Увы, Джованни не может похвастаться ни тем и ни другим.

– Спасибо за лестный отзыв о моих умственных способностях, сэр Иоахим! – Морган поклонился декану. – Но именно эти способности говорят, что ничем руководить, и тем более назначать главного, не нужно. Всего лишь требуется исполнять обязанности, точно следуя букве закона. Будь что будет, и свершится чему суждено!

Собравшиеся на совет учёные мужи оценили цитату из рукописного наследия Небесных Богов и наградили статс-секретаря аплодисментами. Не зря же ораторское искусство ценится в империи гораздо выше привычной магии и почти наравне с недавно открытыми и малоизученными боевыми магическими способностями.

И тут же о тайном разделе имперской науки вспомнил ректор:

– А если студенты из Груманта выкажут явные способности к обучению? Самым успевающим и талантливым мы обязаны предложить продолжить образование на... Ну, вы поняли, господа?

– Они не успеют проявить свои способности, экселенц, – твёрдо пообещал Джованни. – Гарантирую, что через шесть месяцев в Университете не останется ни одного чужака. Кто желает заключить пари, господа?

* * *

Столица империи произвела на Ивана Смирнова двойственное впечатление. С одной стороны, после провинциальной и полудеревенской Лютеции город поражал размерами и

обилием колоссальных сооружений, а с другой... Даже воздух Лунгдума имел горький привкус роскошного упадка и великолепного загнивания. Это ощущение усиливали памятники ушедших эпох, часто представляющие собой лишь развалины с пасущимися в зарослях мелкого кустарника козами. Попадались мраморные дворцы с дубовыми брёвнами на месте недостающих колонн, приспособленные под рынки ипподромы и стадионы и многое другое, незаметное местному жителю, но бросающееся в глаза чужеземцу. Тем более человеку из иного мира и времени, родившемуся в момент развала куда более великой Империи.

Видимо, рикса-демона посетили похожие мысли, так как Вова покачал головой и заметил:

– Ещё одни Лужники с торговлей трусами взрвес по оптовым ценам.

Ивану нечего было ответить, и он просто кивнул. Ну да, любая империя – это, прежде всего, император. Всё держится на его личности, и если не подготовлена достойная смена, то государство уходит в никуда вместе с человеком. Рано или поздно, но уходит. Порой агония растягивалась на века, но чаще всего крушение происходило мгновенно. Что значат для истории какие-то сорок-пятьдесят лет?

– Улицы тут широкие, – норвайский рикс оценивал город с точки зрения захватчика. – Такие баррикадами сразу не перегородишь, и если пустить конницу... Лучше, конечно, мотопехоту при поддержке танков.

Риттер фон Тетюш поддержал разговор лёгкой подначкой:

– Да чего мелочиться, надо сразу «Градами» отработать.

– Что бы ты понимал в захвате городов! После «Градов» здесь только развалины и пожарища останутся, а добыча где? Мы, норвайцы, без добычи не можем. Это мелкие грумантские дворянчики могут нищенствовать без ущерба для здоровья, а настоящие варвары без золота болеют и впадают в меланхолию. Неужели ты хочешь, чтобы я впал в меланхолию?

Риттер покачал головой, намекая на присутствие рядом полковника Гржимека, не посвящённого в тайны пришельцев из другого мира. Вова намёка не понял и громко возмутился:

– И вообще это не грабёж, а святое право на трофеи. Что с бою взято, то свято! Альфа и омега любого вооружённого конфликта.

– Всё равно грабёж.

– Молчал бы уж, бессребреник. Нищий не тот, у кого мало чего есть, а тот, кому мало чего надо. Что, согласитесь, не отменяет разумную экономию.

– И поэтому стражнику на воротах вместо въездной пошлины ты дал в рыло?

– Если бы я безропотно заплатил, меня бы приняли за самозванца. Норвайцы платят только за выпивку и закуску, остальное они берут сами.

Виконт Оклендхайм придержал коня и обернулся с вопросом:

– За комнату в приличной гостинице норвайские традиции позволяют платить?

– Зачем нам в гостиницу? Мы вроде как в Университет приехали поступать, так что жилплощадь пусть предоставляет местная администрация.

Рыжая ведьма поддержала Ивана:

– Вова, неужели ты думаешь, что я заявлюсь в ту богадельню в дорожной одежде?

– А чо, нормально выглядишь, – пожал плечами рикс. – Какого чёрта ещё надо?

– Чего надо? – фыркнула ведьма. – Может быть, в Норвае и принято ходить каждый день

в костюме для верховой езды, но приличные грумантские женщины должны иметь минимум двенадцать платьев. И желательно, чтобы гардероб обновлялся процентов на восемьдесят каждый месяц.

Вова почесал бритый затылок:

– Дорого. Неприличные женщины обходятся гораздо дешевле.

– Триппер магической медициной не лечится, – хихикнул риттер фон Тетюш. –

Исключительно традиционными способами, и очень дорого.

– Вот же... – озадаченно пробормотал Вова и надолго замолчал.

Тем временем Иван решил навести справки самым простым способом – не покидая седла ухватил за шиворот ближайшего прохожего с наиболее смышлёной физиономией и спросил:

– Где тут найти хорошую гостиницу?

Пойманный горожанин тяжело вздохнул и запричитал плачущим голосом:

– Разве может бедный человек знать хорошие гостиницы? Вы посмотрите на меня, благородный господин, разве я похож на того, кого пускают в такие места? А вот если бы у меня были две или три серебряные гривенки, то я бы постарался найти для вашей милости ответ на любой вопрос.

– Сколько-сколько?

– Одну гривенку, мой господин.

– А в морду?

– Я так и знал, что больше эскудейро просить не стоит. Я согласен, мой господин! – горожанин протянул руку. – Сегодня благоприятный для совершения добрых дел день, и любая оказанная услуга будет стоить всего один эскудейро.

– Ну и цены у вас в империи. – Оклендхайм-младший отшвырнул попрошайку и потянулся к кошельку. – Но если по твоему совету мы попадём в вонючую трущобу с тараканами и клопами, то я не поленюсь и заставлю тебя... заставлю... впрочем, ты увидишь и сам ужаснёшься.

– Не извольте беспокоиться, мой господин! – прохиндей отработанным годами тренировок движением поймал монету. – Гостиница моего троюродного дяди располагается недалеко от Университета, и благородные студенты из чувства благодарности регулярно уничтожают насекомых, следят за исправностью водопровода и отхожих мест, заряжают светильники, а недавно даже наложили на окна отпугивающие комаров заклинания.

– С чего вдруг такая благотворительность и любовь к ближнему? – удивился виконт. – Студенты из благородных семей вдруг воспылали бескорыстными чувствами к обыкновенному содержателю гостиницы?

Вова, как человек, разбирающийся в жизни высших учебных заведений, пояснил:

– Пьют, собаки. Все деньги пропивают, а на опохмелку зарабатывают заученными на занятиях бытовыми заклинаниями. Неплохо устроились, гады... я в своё время по ночам вагоны с чугунными батареями разгружал.

Оклендхайм-младший кивнул и махнул рукой:

– Веди нас, Вергилий.

– Я не Вергилий, мой господин, – попрошайка коротко поклонился и представился. – Автоном Колпакиди к вашим услугам.

Удивительно, но трактир «Свинья и апельсин» на самом деле оказался весьма приличным заведением с чистыми комнатами для гостей, большими конюшнями для

лошадей, с ванной в каждом номере и с твёрдой гарантией отсутствия насекомых. Вообще, всем часто казалось, что этот мир отличается от покинутой Земли в лучшую сторону именно чистотой. Во всяком случае, любой город Груманта или империи чище какого-нибудь Мухоедовска, Низкозадрищенска и многочисленных Свинбургов и Ишакабадов. Здесь не веют мусорные ветры из полиэтиленовых пакетов и пластиковых стаканчиков, здесь за выплеснутые на улицу помои могут посадить на кол, здесь нет пробок и выхлопных газов... Разумеется, нет многого из полезных вещей, но владельцам толстых кошельков есть на что обратить внимание и без них.

* * *

Толстый кошелёк появился у Карла Гржимека совсем недавно. Раньше небогатый дворянин из захудалого провинциального рода и подумать не мог, что когда-нибудь сможет за один день потратить месячное жалованье сотника пограничной стражи. А тут раз... и за обыкновенную комнату недрогнувшей рукой выложил кругленькую сумму. Хотя нет, рука дрогнула, когда толстобрюхий дядюшка Гарпагон заявил, что питание в оплату не входит. Ну разве не негодяй? В любой грумантской харчевне за такие деньги полгода будут кормить, поить, на руках носить и в задницу целовать. Правда, справедливости ради, напоят кислятиной, накормят тухлятиной, а отнести могут и на кладбище. Бывало и такое, что уж говорить.

Ввалившийся без стука северный варвар самым бесцеремонным образом оборвал ностальгические воспоминания Гржимека:

– Карл, ты жрать с нами пойдёшь или еду в номер закажешь? Я бы посоветовал поесть в общем зале, а то слуги имеют скверную привычку плевать и сморкаться в тарелки.

От перспективы получить жареное мясо под соусом из чужих соплей Гржимека передёрнуло, и он торопливо поднялся:

– Бегу.

– А вот бегать не нужно, – норваец поднял указательный палец и покачал им из стороны в сторону. – Полковникам бегать вообще не рекомендуется, хоть в мирное, хоть в военное время.

– Это почему же?

– Потом объясню, – отмахнулся рикс. – Пойдём, а то без нас всё сожрут.

Из всех новых друзей, ставшими таковыми по приказу Его Величества Джеронимо Первого, Карл ближе всего сошёлся с северным варваром. Тот привлекал бывшего пограничника весёлой бесцеремонностью, любовью к грубым шуткам, разумной наглостью, контролируемой яростью и прочими качествами, всё меньше и меньше встречающимися в дворянской среде. Природная естественность поведения, к сожалению, постепенно сменяется обезьяньими ужимками, вычурностью, напыщенностью и жеманностью.

А ещё норваец заслужил славу непревзойдённого кулачного бойца – на свадебном пиру по случаю женитьбы виконта Оклендхайма буйный рикс в одиночку расшвырял охрану имперского посланника и единственным ударом умудрился сломать тому челюсть, выбить четыре зуба, сотрясти мозговую железу и зашвырнуть бедолагу в камин. Ещё повезло, что по тёплой погоде там не было огня.

Правда, Гржимек оставался в неведении относительно магических талантов своего

нового друга, но подозревал, что они значительно превышают его собственные. И вообще Карл до сих пор недоумевал, почему Его Величество выбрал для обучения в империи именно его, хорошего мечника, но никудышного мага.

– Ты как хочешь, а я пошёл, – норвайцу надоело ждать задумавшегося полковника. – Будешь потом голые мослы грызть.

По пути из Лютеции в Лунгдум Гржимек успел убедиться в отменном аппетите северного варвара, способного позавтракать за троих, пообедать за четверых, поужинать за пятерых, и всё равно укладывающегося спать с чувством лёгкого голода. Так что и в самом деле стоит поспешить.

В общем зале их ждал спустившийся первым риттер фон Тетюш, пытавшийся заказать у мэтра Гарпагона неведомые блюда со странными названиями – борщ, окрошка, ботвинья, селянка сборная, расстегаи, кулебяки и кабачковая икра.

Толстяк с виноватым видом оправдывался:

– Простите, ваша милость, но для икры не сезон. Вот ежели бы весна была, так тех бы кабачков возами возили. Нынче же он давно отнерестился, и пока нагуляет... Не сезон, ваша милость.

– А остальное? – смилостивился риттер. – Остальное есть?

– Тоже нету. Борщи об эту пору далеко в степях жируют, ботвинья уже в тёплые края улетела, кулебяку хомяк поел, а крошек в наших местах отродясь не пробовали. Нешто в Груманте так голодают, ваша милость, что этакую гадость за еду почитают? Я, конечно, могу послать мальчика на пруд, но готовить отказываюсь! Они же противные, зелёные, пупырчатые... и бородавки от них случаются. Посылать мальчика?

Удивлённый риттер покачал головой:

– Сообрази чего-нибудь на своё разумение.

Вова плюхнулся на заскрипевшую под ним скамейку и рявкнул:

– Мяса, вина, пива! Много!

– Будет исполнено, ваша милость, – мэтр Гарпагон поклонился норвайцу и вопросительно посмотрел на Карла. – Вам того же самого?

– Разумеется, – кивнул Гржимек. – Только пива и вина втрое меньше.

– Мигом принесу, – расплылся в улыбке трактирщик. – От себя бы рекомендовал капустно-свекольный супчик на бульоне из мозговой косточки, приправленный обжаренным луком, кореньями и толчёным салом с чесноком. Подаётся с открытым рыбным пирогом. Ещё сегодня неплохо получились холодная уха из речной панцирной акулы с колотым льдом и холодный салат с ветчиной и яйцами, залитый перебродившим настоем хлебных корочек.

– Окрошка? – оживился фон Тетюш.

– Нет, ваша милость, окрошки на болоте квакают, а у нас холодный салат.

– Ладно, пусть будет салат, – согласился риттер. – Тогда тащи всё перечисленное, и к нему две бутылки крепкой сливовицы. Есть такая?

– Как же не быть? Такая крепкая, что аж горит. А ещё имеется алхимическая вытяжка из ячменной бражки. Господа студенты весьма хвалят.

– Терпеть не могу виски, – поморщился норваец. – И хватит болтать, а то я сейчас с голодухи буяннить начну. Сливовицы мне тоже захвати.

Незаметно появившийся виконт Оклендхайм поинтересовался:

– Собрались отмечать прибытие в Лунгдум?

– Обязательно нужно отметить, – подтвердил Вова. – Ты с нами?

– Нет, мы сейчас по мастерским и модным лавкам прошвырнёмся и перекусим где-нибудь в городе.

– Вот она, печальная участь женатого человека, – лицемерно посочувствовал норвеец. – Попутного ветра тебе в спину!

* * *

Как и всякий нормальный мужчина, Иван терпеть не мог хождение по магазинам в женском обществе, а слово «шопинг» вообще ненавидел. Хотя в мужской компании мог часами бродить по супермаркету, следуя священному ритуалу выбора выпивки и закуски. Это когда с чувством и толком обсуждаются достоинства и недостатки каждой бутылки, рассчитывается необходимый литраж, делаются попытки предсказать объём антипохмельного запаса... Не сравнить с дамскими покупками!

И если бы только покупки. Подавляющее количество времени уходило на выбор тканей, рассуждение о форме и фасоне пуговиц, подбор фактуры понравившейся расцветки под цвет волос и глаз... И так до бесконечности.

Наконец терпение у Ивана лопнуло:

– Ира, солнце моё, я подожду тебя на противоположной стороне улицы. Ты ведь здесь надолго?

Леди Ирэна, не отрывая взгляда от раскрытого стола, торопливо кивнула:

– Да-да, конечно... я быстро, часа через полтора закончу.

Коротко чертыхнувшись, виконт Оклендхайм бросил полугрош присматривавшему за конём мальчишке и запрыгнул в седло. Человеку благородного происхождения не пристало ходить пешком, даже если требуется пересечь улицу поперёк, и оставить коня здесь значит стать объектом для пренебрежительных взглядов со стороны заполнивших улицу всадников. В принципе наплевать на взгляды, но не хотелось бы устраивать поединки в первый день своего появления в Лунгдуме.

Увы, но благие намерения так и остались намерениями – какой-то проезжающий мимо дворянин остановился и громко поинтересовался, не жителя ли Груманта он перед собой видит. Вопрос был задан с такой мерзкой улыбкой, что все мысли о миролюбии улетучились сами собой.

– Какое ваше собачье дело, сэр, откуда я приехал?

– Шевалье ле Блан де ла Кошон к вашим услугам, сэр! – проявил учтивость имперский дворянин. – И меня интересует всего одна вещь!

– Какая?

– Почему ваша лошадь похожа на осла, сэр?

– Это конь, а не лошадь, – фыркнул Иван. – И он нисколько не похож на вас. Может быть, со стороны задницы и есть что-то общее, но с морды он и симпатичнее, и выглядит умнее.

– Вы хотите меня оскорбить, сэр?

– Оскорбить? – задумался виконт. – Это вряд ли. Назвать вас лошадиной задницей не оскорбление, а комплимент.

– Вы меня обидели! – шевалье схватился за рукоять меча. – Вызываю вас на поединок, и если вы благородный человек, то непременно согласитесь дать мне удовлетворение.

Оклендхайм-младший усилием воли подавил желание вlepить наглeцу пулю в лоб. Экономия, чёрт бы её побрал. К принесённому из другого мира пистолету осталось всего три полных магазина, и тратить патроны на каждого забияку попросту жалко. Сколько их таких ещё найдётся?

– И что вы предлагаете, шевалье?

– Предлагаю пойти вон в тот трактир...

– Я как раз собирался там пообедать.

– Обедать будет победитель! – де ла Кошон бросил многозначительный взгляд на тугую кошелек на поясе виконта. – За счёт побеждённого!

– Харя не треснет, сэр?

Губы шевалье искривились в презрительной улыбке, и на мгновение из-под маски напыщенного болвана выглянуло лицо умного, опасного и готового убивать хищника:

– Вы опять оскорбляете? Тем хуже для вас, сударь. Если сначала я собирался биться до первой крови, то теперь мне нужна ваша жизнь. С конём, кошельком и оружием в придачу.

Ну да, ценность фамильного меча Оклендхаймов легко можно определить по рукояти. Такие не делают лет пятьсот, и подобный клинок невозможно купить – они передаются по наследству или достаются в качестве трофея. Продавать – верное средство прогневить Небесных Богов.

– Вы так уверены в своих силах, шевалье?

– Довольно разговоров, – де ла Кошон махнул рукой в сторону трактира. – С недавних пор во дворе каждого приличного заведения устроена специальная площадка для поединков, и там же после оплаты небольшой пошлины нам будут предоставлены секунданты. При желании вы можете написать завещание и заверить его у нотариуса прямо на месте. Правда, это довольно дорогая процедура, так что не советую тратить на неё мои деньги.

– Ваши?

– Да, мои. И не имеет значения, что пока они пребывают в вашем кошельке.

– А пошлину?

– Пошлину придётся платить.

– Империя зарабатывает на дуэлях? – хмыкнул Иван. – Неплохо.

– Разумеется, неплохо, – согласился шевалье. – Вы не будете возражать, если я заплачу за обоих?

– С чего такая щедрость?

– У меня здесь скидка как у постоянного посетителя, а с вас бы взяли вдвое больше. Обычная экономия, сэр.

* * *

Перед поединком пришлось вытерпеть довольно долгую бюрократическую процедуру – чем древнее государство, тем сильнее в нём крючкотворные традиции. Это молодые королевства с историей до тысячи лет могут себе позволить упрощенное делопроизводство, но империя любую официальную запись превращает в целый ритуал с тайным сакральным смыслом.

– Назовите ваши имена, господа, – распорядитель площадки для поединков занёс перо над новой страничкой в книге регистрации. – Если желаете сохранить их в тайне, то можете

придумать благородные псевдонимы.

– Шевалье ле Блан де ла Кошон, подданный Его Императорского Величества.

Иван решил воспользоваться псевдонимом, поэтому заявил:

– Риттер цу Гроссе Норгефокс из Груманта.

Чиновник добросовестно внёс имена в соответствующую графу и продолжил опрос:

– Кому сообщить печальную новость в случае вашей гибели?

– Я не собираюсь умирать, – первым ответил шевалье. – Но на всякий случай можете записать статс-секретаря Императорского Университета Джованни Моргана.

– Да и я тоже надеюсь остаться в живых, – рассмеялся Оклендхайм-младший. – Запишите риттера фон Тетюша и норвайского рикса Вована из рода Синяя Борода, проживающих ныне в гостинице при трактире «Свинья и апельсин».

– Готово, господа! Теперь попрошу предъявить имеющиеся при себе ценности, переходящие к победителю согласно закону о дуэлях. Оружие и конь переходят по умолчанию.

Де ла Кошон бросил на стол потёртый кошелёк и стянул с пальца перстень с красным камнем:

– В кошеле две гривенки серебром, откуда следует вычесть пошлину за обоих, а перстень оцениваю в две марки. Ещё победитель может снять с меня сапоги, исподние панталоны с четырьмя заплатами и нижнюю рубашку, лопнувшую по шву в трёх местах.

Виконт откровенно заржал в ответ на наивную попытку оскорбить, но распорядитель был человеком ответственным и внёс всё указанное в опись. Потом вопросительно посмотрел на Ивана.

Тот не собирался уступать противнику в остроумии:

– У меня восемь марок в кошельке, десять гривенок россыпью по карманам, женской привычки украшать себя перстнями не имею, а шевалье де ла Кошону пусть достанутся от селёдки уши, медвежья болезнь, геморрой на всю голову, хрен с бугра, конь в пальто и ростовой портрет гномьего короля Блюминга Великого в неглиже и с парадной киркой в неприличном месте.

Шевалье хихикнул, представив гномьего короля в неожиданном виде, и заявил:

– А вы мне нравитесь, господин Гроссе Норгефокс.

– А вы мне нет! Блюмингом удовлетворяйся, извращенец! – ответил виконт Оклендхайм, и на всякий случай уточнил у распорядителя: – Каков порядок проведения поединка?

– Никакого, – последовал ответ. – В поединке насмерть не существует ни правил, ни порядков, ни запрещённых приёмов. Разрешено всё, что приведёт к победе. Так что можете начинать прямо сейчас, господа.

После слов распорядителя шевалье хищно оскалился и потянул меч из ножен, а Джонни, не долго думая, зарядил противнику ногой в промежность. Потянулся, сгрёб со стола тощий кошелёк, перстень с красным камнем и бросил небрежно:

– Потрудитесь доставить коня и меч этого господина в гостиницу «Свинья и апельсин» в любое удобное для вас время. Подштанники и рубаху он может оставить себе.

– А сапоги, сэр?

– Сапоги я дарю вам, глубокоуважаемый мэтр.

Распорядитель, до глубины души потрясённый скоротечностью и невероятной жестокостью поединка, осторожно осведомился:

– Вы не будете его добивать?

– Зачем?

– Но ведь условием дуэли была обязательная смерть одного из участников. Ведь ваш противник ещё жив.

Джонни с жалостью посмотрел на скорчившегося шевалье де ла Кошона и притворно вздохнул:

– Да разве теперь у него жизнь будет?

– Согласен, – кивнул распорядитель. – Но мы забыли про пошлину, сэр!

– Никаких проблем, любезный, – Оклендхайм-младший бросил трофейный кошелёк обратно. – Сдачи не надо.

Заулыбавшийся мэтр прижал руки к груди:

– Приходите ещё, сэр! Постоянным посетителям пошлина на поединок обходится вдвое дешевле.

Шевалье нашёл в себе силы приподнять голову и угрожающе прохрипел:

– Я найду тебя, риттер! Я ещё приду к тебе с мезтью!

Джонни пренебрежительно фыркнул:

– Идиот, Гроссе Норгефокс всегда приходит сам. Неотвратимо и вовремя, даже если его не звали!

Покидая площадку для поединков, виконт услышал за спиной требовательный голос распорядителя:

– Снимайте мои сапоги, шевалье. Вы при свидетелях внесли их в список передаваемых трофеев и, как человек благородного происхождения, обязаны выполнить моё законное требование. Теперь это мои сапоги, сэр!

У статс-секретаря Джованни Моргана никогда не было собственного кабинета, и обычно он довольствовался приёмной гросс-магистра сэра Артура фон Юрбаркаса, но в особых случаях принимал посетителей в университетской библиотеке. Строгая сумрачная обстановка, ровные ряды полок и внушительные фолианты с тиснёными золотом корешками на них... всё это производило на гостей впечатление и внушало расположение к собеседнику.

Сейчас как раз такой случай. Вроде бы и невелика персона заявила – обычный пехотный полусотник, да только вот под мундиром у него прячется бронзовый медальон с изображением Шестиугольной Башни. С Секретариатом Особых Дел следует дружить, время от времени подбадривая дружбу денежными вливаниями, и не стоит обманываться по поводу столь скромного чина посетителя. Давно известно, что основу любого государственного учреждения составляют именно такие служаки, а не их благородное и блистающее орденами начальство. Ведь сегодня сиятельный патрон в фаворе и на коне, а завтра, не приведи Небесные Боги, его голова украсит столбик на Турском мосту. А служба? А службу так и продолжают тянуть маленькие человечки с мизерным жалованьем и огромными возможностями. Так было, так есть и так будет всегда.

– Вина, пива? – любезно предложил Джованни Морган, открывая потайную полку, где дверку заменяла доска с закреплёнными на ней золочёными корешками.

– Ты за кого меня держишь? – возмутился полусотник. – Прекрасно знаешь, что я терпеть не могу кислятину и из всех напитков одобряю только ячменную вытяжку. Можно и пшеничную по грумантскому рецепту, но от неё ноги слабнут и язык заплетается.

– Я помню про ячменную вытяжку, Микеле, но вдруг у тебя изменились вкусы? Ну и не будем забывать про обыкновенную вежливость.

– Проверяешь, не подменили ли старого Микеле Адольфуса злобные враги? Успокойся, никому наши тайны не нужны, даже свихнувшимся от мухоморов эльфийским шаманам.

– Ну не скажи, – не согласился Джованни. – Разведка короля Джеронимо дорого бы заплатила за возможность послушать наш сегодняшний разговор. Ведь он касается подданных Груманта, если ты помнишь.

– Да нет там больше никакой разведки, – полусотник отобрал у статс-секретаря графин с ячменной вытяжкой и наполнил два высоких стакана. – Мои коротышки славно поработали во время недавних событий, а имея на руках список с адресами... Признавайся, Джованни, сколько ты брал с купцов за устранение конкурентов в Груманте?

– Я?

– Ну не я же. Это тебе было поручено составление списков на основе донесений наших лазутчиков и дипломатов. Или скажешь, что Шестиугольная Башня может себе позволить проигнорировать столь светлый ум?

– Может, и было такое, а может, и не было.

– Джованни, я это знаю наверняка! Неужели я спутаю почерк старого друга, даже если ты пишешь левой рукой?

– Гномья задница...

– Да не переживай так, долю попрошу выделить по совести, а дельце со студентами из Груманта обстрипаю вообще за сущую мелочь. Сколько не жалко, столько и дашь.

Статс-секретарь скрипнул зубами. Есть много видов вымогательства, но самое гнусное

из них – заставить жертву самому определить величину финансовых потерь. Причём совершенно добровольно. Мало давать нельзя, потому что вымогатель может обидеться и затаить зло, а давать много не позволяет забота о собственном кошельке. И где же её искать-то, эту золотую середину? Вот же гномья задница...

– Так что там с этими студентами, Микеле?

Полусотник налил себе ещё один стакан, отпил половину большим глотком и умиротворённо причмокнул:

– Хорошо пошла, однако. А твои будущие студенты поселились в гостинице «Свинья и апельсин», жрут в трактире как не в себя, тратят серебро в модных лавках и мастерских, пару раз в день дерутся на дуэлях, а в Университет не торопятся. Гляди, какие хорошие сапоги мне виконт Оклендхайм подарил! Снял с шевалье де ла Кошона, а как будто по моей мерке шились. У тебя таких сапог сроду не бывало, Джованни.

– Постой, Микеле... – опешил статс-секретарь. – Студент третьего курса шевалье ле Блан де ла Кошон пришёл на занятия враскорячку и объявил, что подцепил пикантную болезнь от дамы, чьё имя, как благородный человек, он обязался держать в тайне. Бедолагу даже сам главный целитель бесплатно осматривал! Как его сапоги попали к виконту Оклендхайму?

– По результатам дуэли. О, Джованни, этот молодой грумантский дворянин отличается не только учтивостью по отношению к людям низкого происхождения, но ещё и удивительной скромностью. Представляешь, на всех трёх поединках он назвался вымышленным именем Гроссе Норгефокс.

– Как?

– Риттер цу Гроссе Норгефокс из Груманта.

– Хм... интересно. На одном из варварских наречий это означает большую северную лису. Что он хотел сказать таким намёком?

– Представления не имею. Тем более какая нам разница?

Статс-секретарь встал и прошёлся взад-вперёд – древние мудрецы утверждали, что так лучше думается. И они не всегда ошибались.

– Микеле, ты можешь посодействовать скорейшему появлению грумантцев в Университете? На владельца гостиницы нажми, в конце концов. А то к началу учебного года опоздали на целый месяц, так ещё и на учёбу не торопятся. Это неприлично!

– Молодёжь развлекается, Джованни, а ты хочешь запереть их в университетском общежитии на целый год. Если бы меня... да пропади она пропадом, эта магическая наука! По мне, так от фехтования пользы больше, чем от магии.

– Вот и дуэлируют.

– Ну и что? Заметь, ещё ни один поединок не закончился чьей-нибудь смертью.

– Лицемерие и притворство! Не верю в миролюбие грумантского дворянства! После гномьего бунта любой бы на их месте ожесточился и постарался выместить злобу на первой попавшейся жертве. Если они не убивают на поединке, то есть причина, по которой это делается. Уж не злоумышляют ли против особы Его Императорского Величества?

– Вряд ли. – Полусотник опрокинул в себя ещё один стаканчик ячменной вытяжки, отчего его движения стали плавными и осторожными, а речь приобрела торжественность. – Насмотрелся я в своё время и на злоумышленников, и на заговорщиков... Не похожи.

Статс-секретарь тяжело вздохнул и выложил на стол несколько приятно звякнувших мешочков:

– Здесь половина твоей доли, Микеле. Остальное получишь, когда выполнишь своё обещание. Как можно быстрее выполнишь, понял?

– Разве я что-то обещал?

– Ты должен приложить все силы, чтобы грумантцы уже завтра появились в Университете. Послезавтра – крайний срок.

– Уже помню, – кивнул полусотник и в очередной раз потянулся к графину. – Раз Микеле Адольфус что-то обещал, то он это сделает. Выпьём?

* * *

В это же самое время в гостинице «Свинья и апельсин» происходила подготовка к очередному поединку – норвайский рикс получил вызов сразу от двоих дворян и решил объединить обе дуэли в одну.

– И что они к тебе липнут? – с лёгкой завистью бормотал риттер фон Тетюш, подавая северному варвару его верную секиру. – Сколько мечей уже продал?

– Деньги лишними не бывают. Тем более выручку за коней я вкладываю в общую кассу.

– Добытчик, ага. Я надеюсь, ты этих дворянчиков убивать не собираешься?

– Зачем? – удивился норваец. – Разве можно убивать баранов, с которых регулярно стрижёшь шерсть? Эх, Серёга, нет в тебе коммерческой жилки.

Потом последовала обязательная процедура составления дуэльного протокола и утрясание списка переходящих к победителю трофеев. Противники норвайца оказались людьми небогатыми, поэтому потребовали от рикса указать всё, что на нём было в тот момент, включая давно нестиранные, но очень ценные портянки из синийского шёлка. Ну а так как северный варвар носил сапоги сорок девятого размера, то заматывал свои лапищи в эквивалент годового дохода с небольшой деревеньки.

– Крохоборы, – ругался Вова. – За грош удавятся, а за три на ослице женятся.

Но вот наконец с бюрократическими формальностями покончили, и распорядитель скомандовал:

– Начинайте, господа!

Первым, точнее правым, противником норвайца оказался имперский барон Лиордан де Конкур, невысокий худощавый юноша с цепким взглядом профессионального бретёра. Слева крутил восьмёрки мечом шевалье Альфонсо ди Памплон, являющийся почти полной противоположностью своего приятеля и напарника. Рослый, с распирающими потёртый камзол мышцами – этакий эталон истинного арийца с наивными глазами новорождённого телёнка.

Удивительно, но инициатором приведшей к поединку ссоры стал именно шевалье, не далее как два часа назад плюнувший Вова в кружку с пивом. Это он, вытирая с лица перемешанную с кровью обильную пену, прокричал формулу вызова. Решивший успокоить товарища имперский барон получил в ухо тарелкой с мочёным горохом и был вынужден присоединиться к требованиям дать удовлетворение.

– Что же вы медлите, господа? – норваец приглашающее взмахнул секирой. – Только что кое-кто собирался порубить меня на куски, а как дошло до дела, так исполнять обещанное не слишком торопится.

Попытка вывести противников из равновесия не увенчалась успехом. Они и в самом

деле никуда не торопились, наслышанные об опыте предшественников, чьими действиями руководили эмоции, а не разум. Наконец барон сделал выпад, выглядевший скорее для обозначения намерения драться, а не попыткой нанести удар, и в это же время шевалье с удивительной лёгкостью скользнул норвайцу за спину.

Вова не глядя отмахнулся назад секирой и с удивлением услышал сдавленный крик. Бросив мимолётный взгляд, он увидел ди Памплону, прижимающего левую руку к рёбрам.

– Не ожидал от вас такой невнимательности, шевалье!

Тут же пригнулся, пропуская над головой меч атаковавшего барона, и с силой пробил обухом в колено противника. Хруст если и был, то его заглушил дикий рёв, в котором слышались нотки скорее недоумения и ярости, чем боли.

– Пардон, мусью, но в нашем нелюбовном треугольнике именно вы оказались лишним. Вам одолжить костыли за символическую плату?

– Бейся честно, варвар! – барон вовсе не собирался сдаваться.

– Биться честно? – удивился норваец? – Господа, неужели я похож на идиота? Правилами поединка предусмотрено отсутствие всяких правил, так что...

Блямс... отбитый лезвием секиры метательный нож запрыгал по выложенной тёсаным камнем площадке.

* * *

Рыжая ведьма наблюдала за поединком с небольшого балкончика, специально сделанного на случай зрительского интереса к дуэли, и рассеянно обмахивалась новеньким синским боевым веером, неизвестно какими путями попавшим в столицу империи. Какая-то ненормальность происходящего не давала ей покоя, только никак не получалось определить, в чём именно эта ненормальность заключается. Ведьминские способности, вопреки расхожему мнению усилившиеся после замужества, а не пропавшие, кричали об опасности. Даже вопили об опасности, но, к сожалению, не указывали на её источник.

Ирка повернула голову к мужу, сидевшему рядом и читавшему потрёпанную книгу:

– Ванечка, ты не видишь ничего странного?

Оклендхайм-младший, не отрываясь от увлекательного занятия, усмехнулся:

– Да тут всё странное, дорогая моя. Начиная от самого мира, в который мы попали, и заканчивая количеством желающих отправить нас на тот свет с соблюдением ритуалов и приличий.

– Я про дуэль спрашиваю.

Иван глянул вниз, где Вова гонял по площадке скачущего на одной ноге имперского барона, ничего подозрительного не обнаружил, но на всякий случай запустил на воображаемом компьютере программу полного сканирования местности. Буквально за пару секунд невидимые боты собрали информацию, и магия с технико-милитаристским уклоном выдала результат:

«Обнаружена попытка ментального воздействия на дружественный объект «Варвар». Рекомендуется устранить источник угрозы. Выберите способ устранения:

1. Подрыв при помощи коробки конфет.
2. Самовозгорание.
3. Имитация самоубийства.

4. Попадание метеорита.

5. Отравление угарным газом.

6. Дорожно-транспортное происшествие».

– Вот только метеоритов здесь и не хватает, – хмыкнул Иван, мысленно нажимая кнопку «Отложить и напомнить позднее». – Ира, там нашего Вову заколдовать пытаются.

– Чушь собачья, – ответила рыжая. – Демоны магическому воздействию не поддаются, и все попытки приведут к мощному откату, сравнимому по ощущениям с похмельем после недельного запоя.

Виконт с подозрением покосился на жену, вдруг показавшую странные познания, и забил в командную строчку магического компа:

«Определить характер угрозы и рассчитать вероятность нанесения ущерба объекту «Варвар».

Тут же выскочил ответ:

«Осуществляется попытка взлома защитных функций объекта «Варвар» с целью переподчинить управление на стороннего оператора. Вероятность причинения ущерба объекту «Варвар» – 0,57 %. Вероятность причинения ущерба объекту «Мент поганый» – 96 %. Вероятность причинения ущерба объекту «Солнце моё» – 90 %. Вероятность причинения ущерба объекту «Виконт» – 82 %. Рекомендуются ликвидировать угрозу. Список вариантов прилагается».

– Чёртова неведома железяка! – вслух выругался Джонни. – Нельзя попроще объяснить? Чтоб ёжику понятно было?

«Могу и проще, – охотно откликнулся невидимый магический компьютер. – Сейчас вон тот тощий козёл зазомбирует Вована, и Вова вам всем секир-башка устроит. Кончать этого хмыря надо, Ваня, и как можно скорее!»

– Ира, солнышко, долбани в того дрища проклятием помощнее.

Виконту Оклендхайму досталась замечательная жена – в отличие от подавляющего большинства женщин, она не стала устраивать расспросы и выяснять причину просьбы. Если мужу нужно проклясть барона Лиордана де Конкура, то... получи, фашист, гранату!

* * *

А на площадке для поединков всё шло своим чередом – шевалье ди Памплон лежал в тенишке и дожидался лекарей, а Вова изо всех сил старался превратить схватку в весёлый балаган. А как ещё назвать те пляски, сопровождаемые матерными частушками на норвайском языке и размахиванием секирой? Размахивание, правда, смертельно опасное – его противник несколько раз только чудом избежал встречи с сияющим лезвием древнего оружия, и вообще барон Конкур выглядел неважно. Красное, залитое потом лицо, хриплое дыхание, дрожащие от усталости колени... И отчаяние пополам с разочарованием во взгляде.

Если бы тот взгляд мог поймать человек знающий, то он бы увидел в глазах сэра Лиордана крушение мироздания и потрясение основ бытия. Но на дуэльной площадке гостиницы «Свинья и апельсин» не нашлось такого человека, так что барону приходилось справляться с неприятностями без свидетелей и мучительно размышлять о странной неуязвимости проклятого Небесными Богами норвайца. Ведь в Университете говорили, что от заклинания подчинения чужой воли нет защиты и что северного варвара выбрали в

качестве жертвы не просто так. Всем известно – норвайцы глупы, заносчивы, злонравны, агрессивны. В наличии все те качества, что идеально подходят для создания послушной куклы.

Шевалье тоже подвёл, не продержался и нескольких мгновений. Может быть, из-за этого и заклинание не действует? Проклятый ди Памплон должен был отвлечь рикса на себя, давая барону время на подготовку магического удара. Стоит сообщить о нерасторопности напарника декану тайного факультета. В боевой магии нет места растяпам и слабакам.

Де Конкур подпрыгнул, пропуская свистнувшую на уровне лодыжек секиру, и успел заметить затуманившийся взгляд и некоторую скованность движений норвайца. Получается? Небесные Боги, заклинание начинает действовать! Теперь стоит усилить атаки, сосредоточив потоки энергии на кончике клинка, и хотя бы чуть-чуть царапнуть северного варвара. Малейшей раны хватит для того, чтобы магический конструкт вступил во взаимодействие с кровью жертвы, и тогда риксом можно будет управлять словно куклой на ниточках в уличном театре.

Вот она, невидимая для непосвящённых великая Сила! Стекает с небес упругими светящимися струями, выходит из земли толстыми искрящимися жгутами, пронизывает всё тело, собирается где-то внутри и мощным потоком устремляется к кончику меча. Ещё чуть-чуть...

И в этот момент барон почувствовал себя попавшей в мёд мухой. Перестали слушаться руки, надёжный клинок выпал из ослабевшей ладони, и колени не выдержали веса вдруг налившегося свинцовой тяжестью тела. Де Конкур упал лицом вперёд, и грубо отёсанные камни площадки окрасились хлынувшей горлом кровью.

Распорядитель поединков бросился вперёд, ошибочно полагая, будто норваец захочет добить противника:

– Ваша победа, сэра Вован! Поздравляю с очередным блистательным завершением дуэли! Трофеи, как обычно, доставить в вашу комнату?

– Ага, как обычно, – кивнул Вова и привычно пошутил: – Только коней туда не заводи, а то на кровать нагадят. Сам знаешь, как я этого не люблю.

Риттер фон Тетюш подошёл с предусмотрительно прихваченным кувшином:

– По пивку?

– Ты мои мысли читаешь, Серёжа! И это здорово, хотя и немного пугает, – норваец сдул пену, за пару глотков осушил половину ёмкости и расцвёл в довольной улыбке. – Хорошо-то как!

Товарищ восторгов не разделял и строгим голосом сделал замечание:

– Почему так долго возился? Барон мог достать тебя восемь раз! Доиграешься когда-нибудь, Вова. Выпустят кишки, что делать будешь?

– Засуну их обратно и выпью побольше сливовицы для дезинфекции. Демоны теоретически бессмертны, и меня невозможно убить оружием этого мира. Так что можешь не беспокоиться.

– А тело норвайского рикса тоже бессмертно?

– Разумеется. Даже если голову отрубят, всё равно жив останусь. Правда, потом недели две придётся новую отращивать.

– А кушать всё это время анусом будешь?

– Чистой энергией стану питаться, неуч!

– Угу, – согласился фон Тетюш, – я неуч. Но занятия боксом в своё время фатально

отразились на твоём мозге. Хиросима от атомной бомбы и то меньше пострадала.

– Что за намёки? – обиделся Вова. – Чем тебе бокс не угодил?

– Мне на него наплевать. А вот как ты объяснишь людям приживление отрубленной головы или излечение смертельной раны? Тут только новый облик поможет, но он уже не будет норвайским риксом.

Вова почесал переносицу обухом секиры и совсем собрался что-то возразить, но тут послышался голос виконта Оклендхайма:

– Господа благородные герои и завязтые дуэлянты, нам нужно обсудить важную проблему.

– Обсуждайте, я не против, – отмахнулся норваец.

– Всем вместе обсудить.

– Ирка обновками будет хвастаться? – вздохнул Вова и неторопливо пошёл к двери в гостиницу, волоча за собой звякающую по камням секиру. – Ох уж эти женщины...

* * *

Обычно такие совещания проводили вечером за ужином, но в свете открывшихся обстоятельств Иван решил совместить обсуждение с обедом. Тем более в общем зале трактира скопилось множество привлечённого ежедневными поединками народа, и гул голосов легко маскировал негромкий разговор. К сожалению, присутствие полковника Гржимека делало невозможным использование русского языка, а то бы подслушивания вообще бы не пришлось опасаться.

– Итак, благородные доны... – начал виконт.

– Как он нас обозвал? – тихонько спросил полковник у фон Тетюша. – Это очень обидно?

– Дон, это что-то вроде сэра, но гораздо круче, – пояснил риттер. – В империи, кстати, они иногда попадают. И не мешай слушать умного человека, Карл.

– Я попросил собраться, – продолжал Оклендхайм-младший, – чтобы сообщить пренеприятнейшее известие. Сегодня мы узнали о существовании в империи специалистов по древним разделам магии, считавшихся позабытыми сотни лет назад. В Груманте вообще уверены в невозможности появления магов-менталистов, ведь последний такой маг был убит именно в Лютении и не оставил после себя ни учеников, ни записей.

– Нам что с того? – проворчал норваец и кивнул в сторону фон Тетюша. – Менталист у нас свой есть. Менталисты бывшими не бывают.

– Не устраивай цирк, – нахмурился Иван. – Если бы Ира не швырнула в твоего противника проклятием... Каким, кстати?

– Туберкулёз в последней стадии плюс отложенная проказа. Она же лепра, – улыбнулась ведьма. – Три дня в коме, а через неделю похороны. А мы как бы и не при делах.

– Понятно. Ну так вот... если бы не это проклятие, то кое-кого зазомбировали бы к чертям собачьим, и этот кое-кто начал бы бросаться со своим топором на друзей.

– Фигня, – пренебрежительно отмахнулся норваец. – На демонов подобная хрень не действует. От слова «абсолютно»!

Карл Гримек опять склонился к риттеру фон Тетюшу и шёпотом спросил:

– Сэр Вован является демоном?

– Да, и уже давно. Тебя это нервирует?

– Нисколько. Просто раньше не знал.

– Теперь знаешь. Что, легче стало?

– Пожалуй, нет, не легче.

– Вот и я про то. Толку-то в таком знании?

Ну а Оклендхайм-младший насмешливо посмотрел на наивного северного варвара:

– На твоём месте я бы не расслаблялся. Заклинание подчинения воли не действует на демонов, вызванных с помощью магического ритуала, а ты, если мне память не изменяет, появился тут добровольно.

– И что?

– И ничего! В следующий раз хренакнут чем-нибудь помощнее, и понесётся душа в рай.

– Меня туда не пустят, это во-первых. А во-вторых, местные религии рая не подразумевают.

– Значит, псу под хвост понесётся. Этого хочешь?

– Нет, не хочу.

– Тогда прекращаем вольное казакование с походами за зипунами и с завтрашнего утра начинаем учёбу. То есть отправляемся в Университет. Первый курс, как известно, живёт в общежитии почти на казарменном положении с увольнениями в город раз в неделю, и там, надеюсь, мы будем в большей безопасности.

– Я опасностей не боюсь, – самодовольно заявил норваец. – Они меня бодрят!

Виконт постучал столовым ножом по бокалу, требуя заткнуться и не перебивать:

– Рано нам на неприятности нарываться, Вова. Вот обживёмся, пообвыкнемся, прикинем х... хм... к носу, и вот тогда сами устроим их кому угодно. Ты не забыл напутственные слова Его Величества?

– Лаврентия Борисовича?

– Короля Джеронимо Первого Ланца!

– Что-то там про разрушенный Карфаген? Как же, помню прекрасно. Да не беспокойся, Джонни, выполним мы его пожелание, уважим старика.

Наутро провожать друзей вышел весь персонал гостиницы, включая самого хозяина мэтра Гарпагона, его троюродного племянника и по совместительству конюха Автонома Колпакиди, так и не назвавшего своего имени распорядителя дуэльной площадки, четырёх служанок, повара и двух мальчиков на побегушках.

Расчувствовавшийся мэтр доверительно сообщил риттеру фон Тетюшу:

– Будете в городе на выходные, ваша милость, так обязательно заглядывайте. Особенно весной, когда кабачок на нерест пойдёт. Пару вёдер кабачковой икры специально для вас держать буду. Всенепременно заглядывайте.

Фон Тетюш кивнул и первым забрался в седло подведённого расторопным мальцом коня.

– Ну что, господа, идём к сияющим вершинам науки?

– Не идём, а едем, – поправил товарища норвайский рикс. – Я бы даже сказал, сломя голову скачем.

– А самые умные пойдут таскать чугуний, – пошутил виконт Оклендхайм, подсаживая в седло путающуюся в длинных юбках ведьму. – Но всё равно... вперёд!

Отдать команду оказалось гораздо проще, чем выполнить её – появились новые действующие лица, желающие непременно лично попрощаться с благородными господами из далёкого Груманта. Прибежал торговец лошадьми, немало заработавший за неделю на перепродаже трофеев, следом за ним хозяин оружейной лавки, являвшийся посредником при выкупе проигравшей стороной своих мечей, и даже приехал коллега местного распорядителя мэтр Микеле Адольфус, щеголявший в подаренных виконтом Оклендхаймом новых сапогах.

Последний, на правах старого знакомого, задал вопрос:

– Вы в Университет, ваши милости?

– Именно туда, мэтр, – подтвердил Джонни. – Праздник свободы закончился, и наступили серые будни. Нас ждёт учёба, учёба и ещё раз учёба.

– А я как раз сегодня с самого утра намеревался посетить своего старого приятеля Джованни Моргана, по счастливой случайности служащего секретарём у ректора Императорского Университета графа Артура фон Юрбаркаса. Если ваши милости желают, то могу проводить прямо к нему, так как вам именно в приёмную ректора и нужно.

– Вот как? Действительно, счастливое совпадение. Показывайте же дорогу, мэтр Микеле!

Вполне обоснованно рассчитывавший на дополнительный заработок Автоном Колпакиди попробовал было возмутиться, но получил подзатыльник от опытного и разбирающегося в людях троюродного дяди. Почесал ушибленный затылок и помахал рукой:

– Мы будем ждать вас на выходные, благородные господа! И дамы, да!

Микеле понимающе усмехнулся, тепло попрощался с мэтром Гарпагоном, но когда выехали за ворота, пренебрежительно сплюнул на мостовую:

– До чего же дрянной народец эти Колпакиди, что дядя, что племянничек. И как же это, сэр Джонни, вас угораздило связаться с такими проходимцами? Во всём Лунгдуме есть только одна приличная гостиница, и она никогда не называлась «Свинья и апельсин».

– Ну и какая же, по твоему мнению, самая хорошая? – заинтересовался Вова. – Там хороший повар?

– Там лучший повар в столице, благородный рикс! А гостиница называется «Таракан и устрица» и принадлежит моему двоюродному брату Алоизу Адольфусу. Уверяю вас, там не встретите подобных Автоному оборванцев, их просто не пускают туда. Даже воры, коими издавна славится наш старый добрый Лунгдум, обходят стороной заведение братца Алоиза.

– Опасаются вашего военного прошлого? – Джонни намекал на потёртый, но чистый и аккуратно заштопанный мундир мэтра Микеле.

– Не только моего. Все Адольфусы свою юность отдают армии, и Седьмая пехотная когорта Бургундского легиона никогда не даёт в обиду отставников. Или отомстит столь страшно и жестоко, что всякий злоумышленник тысячу раз подумает, а потом откажется от намерений.

– Непременно прислушаюсь к столь весомой рекомендации и навещу «Таракана и устрицу» в самое ближайшее время. То есть в ближайший выход в город, – решил Вова. – Я дал себе обещание попробовать пиво в каждом столичном кабачке, трактире, ресторации, и в моём списке их уже восемнадцать. Только вот название какое-то странное, не находите?

– Ничего оно не странное, – мэтр Микеле сделал вид, будто обиделся. – Вы, благородный рикс, разве не слышали печальную и поучительную историю о трогательной любви двух существ, от которой прослезились даже сами Небесные Боги?

– От истории прослезились или от любви?

– От трагической кончины обоих.

Рыжая ведьма, краем уха услышавшая слово «любовь», тут же заинтересовалась и потребовала рассказать всё, особенно те самые трагические подробности.

– А ты, сэр Вован, – заявила она, – можешь заткнуть уши. Северным варварам чужда романтика высоких отношений.

– Это почему чуждо? Мне, как и поручику Ржевскому, и на колокольне доводилось, и на чердаке пару раз.

– Вова, помолчи ради Небесных Богов! А вы, уважаемый мэтр Микеле, расскажите нам о трагической любви. Пожалуйста!

Адольфус с благодарностью кивнул леди Ирэне, прокашлялся и начал заунывным голосом профессионального сказочника:

– Случилась эта история в незапамятные времена, когда империя ещё не стала империей, а была всего лишь крохотным королевством Лангоуз на самом краю обитаемых земель. И вот однажды решил король Болдуин Второй по прозвищу Львиная Грива устроить пир для своих подданных. Надо сказать, что таковых и было-то триста человек.

– Маленькое какое-то королевство, – заметил норвец.

– Имеются в виду люди благородного происхождения, – пояснил мэтр Микеле. – Крестьян и ремесленников зачем считать? Ну так вот... решил он устроить пир, и начали свозить в королевский замок разнообразные и многочисленные припасы со всех сторон. Там была дичь лесная, полевая и озёрная, дары садов и огородов, а особо выделялась невиданная диковинка – присланный в дар огромный бочонок с устрицами. Его подарил властитель соседнего королевства, лежащего на побережье Гневного моря. В том же самом Лангоузе даже не подозревали о существовании в холодных водах раковин столь дивного вкуса, способствующих увеличению мужской силы.

Мэтр Микеле улыбнулся на многозначительное подмигивание северного варвара и продолжил:

– И жил на кухне королевского замка один таракан. Само собой, он не один там жил, а

было их неисчислимо количество, но этот отличался особо крупными размерами и красотой.

– Мадагаскарский, наверное, – со знанием дела заметил Вова. – Красивый до безобразия и омерзения. Так он сожрал всех устриц?

– Нет, благородный рикс, совсем не так. По странной прихоти судьбы наш таракан пробежал по кухне именно в тот момент, когда открывали бочонок с дарами соседского короля, и увидел он лежащую сверху огромную и тоже прекрасную устрицу. Дороги любви извилисты и запутаны, но предназначенные друг другу существа влюбляются с единого взгляда, ибо так хотят Небесные Боги. И в этом случае...

– Чем ракушка смотрела, если у неё глаз нету? – опять перебил рассказчика северный варвар. – Странные в ваших морях устрицы живут – их едят, а они глядят.

– История не о глазах, благородный рикс, а о любви. Таракан и устрица столь сильно стремились к счастью, что решили обратиться к покровительнице влюблённых Целюлле Великолепной. В те давние времена Небесные Боги ещё спускались на землю, и случилось так, что молитва была услышана в тот же миг. И превратила Великолепная нашу устрицу в красивейшую тараканиху с двенадцатью ногами.

– Скока-скока? – удивился норвеец. – Обычно у тараканов шесть ног, но никак не двенадцать. Мутанты какие-то.

– Сколько просила, столько ей и дали!

– Вова, прекрати докапываться до сказки! – потребовала ведьма. – Что там дальше случилось, уважаемый мэтр Микеле?

– А дальше случилось печальное событие – старший королевский повар обнаружил на столе двух огромных тараканов и смахнул их полотенцем прямо в горящий очаг. Вот и вся история, леди Ирэна.

– Точно вся?

– Повара через пару лет казнили за подгоревших фазанов, поданных к королевскому столу, а трагическая повесть о влюблённых пережила тысячелетия и увековечена в названии гостиницы моего двоюродного брата Алоиза Адольфуса. И там всегда подают свежайших устриц с белым вином со склонов Тетракийских гор.

Мэтр замолчал, ожидая от слушателей хоть какой-нибудь реакции, и рыжая ведьма была вынуждена высказаться сквозь душивший её смех:

– Ужасно романтическая история с трагичным финалом. Скажите, а того повара звали Адольфусом?

– Руфин Адольфус стал основателем нашего рода, миледи, и он приходился родным братом несчастному повару, чьё имя затерялось в глубинах веков.

– И это тоже романтично! А что-нибудь ещё вы нам расскажете, многоуважаемый мэтр?

– Ничего не расскажу, потому что мы уже приехали, – Микеле показал рукой вперёд. – Добро пожаловать в Императорский Университет, благородные господа и благородная дама. Он перед нами, этот дворец науки.

* * *

Уж на что точно не был похож Императорский Университет Лунгдума, так это на дворец. Огромная крепость с величественными башнями возвышалась над старой частью столицы, и

серый камень стен навевал мысли о Бастилии времён Людовика XIV. Общий стиль подавлял и угнетал, а не радовал глаз и не устремлял душу к горным высям. Здесь даже имелись заполненный водой ров с подъёмным мостом через него и обязательные предмостные укрепления в виде двух башенок с узкими бойницами. Вооружённой стражи, правда, не наблюдалось.

– Мрачное местечко, – заметил Джонни. – Общежитие первого курса не в подземельях располагается, я надеюсь?

– Ну что вы, сэр! – поспешил успокоить мэтр Микеле. – Вас поселят в бывших казармах Бургундского легиона, перестроенных под нужды студентов ещё восемьсот лет назад. Уютные комнаты, между прочим. А что до мрачности самого Университета, то к этому быстро привыкают, и через месяц уже никто не жалуется. Твердыня первых императоров и не может быть другой, благородные господа! Она строилась не в самое спокойное время, так что на первом месте стояли удобства обороны, высота и надёжность стен, а красивыми почитались только те крепости, что ни разу не взяты на меч противником. Тогда ценились мужество и отвага... чудесная была пора, право слово.

– А сейчас?

Мэтр Микеле предпочёл не услышать вопроса и вежливо поклонился подскочившему студенту с белым бантом на плече просторной чёрной мантии:

– Сопровождаю новичков к ректору, господин дежурный!

– Маркиз Бирмингхайд, болван!

– Виноват, сэр! Простите старого солдата, что не узнал сразу в вашем облике вашу светлость. Позволено ли мне будет провести благородных господ к его сиятельству графу Артуру фон Юрбаркасу?

– Благородные господа ещё не зачислены в Университет? – поинтересовался дежурный, не обращая внимания на Адольфуса.

– Пока не имеем такой чести, – за всех ответил Оклендхайд-младший.

– Тогда с вас три с половиной гривенки за пять мест в конюшне.

– За все четыре года?

– За сегодняшний день! Но если вы будете зачислены в Университет, то содержание верховых коней обойдётся в четыре гроша в неделю. За каждого, господа.

Иван первым спешил и бросил поводья подбежавшему слуге с огромным жестяным гербовым значком Университета на грязной рубахе:

– Если Воронок пожалуется на плохое обхождение, то заставлю сожрать твою бляху без соли и хлеба. Всё понятно?

– Так точно, сэр! – браво отрапортовал слуга, поедая глазами благородных господ и прекрасную даму. – В лучшем виде обслужу!

Пока виконт развязывал кошелек, дежурный пояснил:

– Этот на самом деле хорошо присмотрит. Уникальный случай – простолюдин с магическим даром коновала-целителя. Феномен, так сказать.

– И много здесь таких?

– Не знаю. Мне нет дела до простолюдинов, а коновал запомнился лишь как полезное существо, – маркиз принял деньги и любезно повёл рукой. – Добро пожаловать в Императорский Университет Лунгдума, господа. И хочу предупредить, что дамам надлежит покинуть его территорию после ударов вечернего колокола. У вас красивая сестра, сэр!

– Виконт Оклендхайд! – наконец-то сообразил представиться Джонни. – И вынужден,

маркиз, вас разочаровать – леди Ирэна моя жена, и она тоже будет здесь учиться. А колокол пусть звонит на доброе здоровье!

Оставив дежурного стоять с раскрытым ртом, Иван подхватил покинувшую седло супругу под руку и отправился вслед за мэтром Микеле Адольфусом, не удостоившимся чести воспользоваться дорогостоящими услугами университетской конюшни. Друзья двинулись за ними, а норвайский рикс на прощание хлопнул маркиза Бирмингхайма по плечу и успокоил:

– Не переживай, чувак, когда-нибудь и ты женишься. Эльфийскую любовь одобряешь?

И ушёл, напевая вполголоса:

Лишь кобыла эльфаку Во степи подруга, Лишь кобыла эльфаку В степи жена.

* * *

Ректора на месте не оказалось, но секретарь сэра Артура фон Юрбаркаса любезно предложил уладить все формальности с ним.

– Всё равно, благородные господа и прекрасная дама, вам придётся иметь дело со мной, так как его сиятельство полностью поглощён научной деятельностью и учебным процессом, а на мелкие вопросы у него не хватает времени.

– Это мы мелкие? – возмутился Вова. – Договор об обмене между университетами подписан лично Его Королевским и Его Императорским величествами, и пренебрежение нашими персонами можно назвать злонамеренным оскорблением монарших особ.

– Простите, я немного неточно выразился, – Джованни Морган сделал вид, будто ему очень стыдно за допущенный промах. – Граф фон Юрбаркас полностью доверяет мне ведение дел, касающихся приёма студентов, их размещения и взимания платы за обучение. В вашем случае последнее можем опустить – нужная сумма уже переведена из казначейства.

– А нельзя ли побыстрее закончить с формальностями? – как и положено дикому северному варвару, норваец проявил нетерпение. – Хочу выпить и пожрать. В вашем заведении где можно прилично пожрать?

Статс-секретаря мучили подозрения, что у него с риксом слишком разное понимание приличности, но на всякий случай пояснил:

– Если вам не понравится питание в общей столовой, покрываемое из платы за обучение, то вы можете посещать любую из трёх университетских ресторанов, как делают многие из высокородных студентов. Но за свой счёт, естественно.

– Понял, не дурак, – проворчал Вова.

– Теперь всё же перейдём к формальностям. – Джованни Морган раскрыл лежавшую на столе толстенную книгу, обтянутую чуть желтоватой кожей молодого эльфа, и обмакнул перо в чернильницу. – Попрошу назвать имена, титулы и направление магического искусства, которое вы намерены углублённо изучать.

– А если я сразу все хочу постигнуть? В смысле, постигнуть... – спросил норваец.

– Сразу все не получится. Есть дарованная Небесными Богами предрасположенность, и если у вас дар к погодной магии, то целителем вам никогда не стать. Истории известно только два случая одновременного владения несколькими видами магии, но ни к чему хорошему это не привело. Печально всё закончилось.

– Я стану третьим, – уверенно заявил Вова. – И у меня всё будет хорошо. Третьим всегда

хорошо, особенно если на хвоста садишься.

Статс-секретарь не понял шутку про посадку на хвост, и опасливо оглядел норвайца с ног до головы, очень жалея, что нельзя посмотреть сзади. Вдруг у них и правда...

– И всё же продолжим, благородные господа. Прошу назвать имена и титулы. Если сомневаетесь в определении своего магического дара, то не переживайте – первый год обучения не подразумевает разделения на факультеты, и за это время опытейшие преподаватели помогут вам распознать истинное назначение заложенного Небесными Богами...

Тут статс-секретарь окончательно запутался в построении столь длинного предложения, но сделал вид, что многозначительная недосказанность является нормой в разговоре образованных людей, и с вопросом посмотрел на виконта Оклендхайма. И ещё раз обмакнул перо в чернильницу.

Иван подумал немного и сообщил:

– Виконт Джонни Оклендхайм. Потенциальный маг-универсал.

– Кто, простите? – переспросил Морган, из трёх последних слов понявший только второе. – Как вы сказали?

– Универсал, это человек, одинаково способный ко всем видам магии.

– Таких не бывает!

– У вас не бывает? Ох уж мне эти провинциальные учебные заведения... милые, патриархальные, верные традициям и безнадежно отстающие от веяний современной магической науки.

– Вы про Императорский Университет Лунгдума?

– Нет, я вообще. Просто к слову пришлось.

– Ну да, ну да... И всё равно я запишу ваши способности как неопределённые. А в течение первого курса всё выяснится окончательно. Хорошо?

– Да похрен, – непонятной фразой ответил виконт и пропустил вперёд супругу. – Дорогая, твоя очередь.

С ведьмой тоже вышла небольшая заминка. Она, как и муж, объявила себя универсалом, а статс-секретарь никак не соглашался заносить в соответствующую строчку даже отметку о неопределённых способностях. И мотивировал это тем обстоятельством, что науке неизвестны случаи, когда женщины имели предрасположенность к магии.

– Мне вообще непонятно, миледи, зачем вас направили на учёбу.

– Не твоё дело, любезный Джованни, – вместо ведьмы ответил норвайский рикс. – Ты отказываешься зачислять её в Университет? Если нет, то какого хрена резину тянешь?

– Он не резину тянет, – улыбнулась Ирка. – Он могилу себе копает. Милейший Джованни, вы сомневаетесь в мудрости своего Императора?

– Да я...

– Тогда пишите, как я сказала!

И столько убедительности со скрытой угрозой прозвучало в голосе рыжей леди, что Морган не стал спорить и всё-таки внёс требуемую запись. Ведь кто их знает, этих женщин... сегодня не напишешь пару слов, а завтра проснёшься с головой под кроватью и с заколкой для волос в печени. Или что там ещё способна придумать их злопамятная натура?

– Теперь вы, благородный рикс.

Норваец статс-секретаря удивил, хотя, казалось, удивляться больше некуда. Северный варвар сообщил:

– Я тут инкогнито. Так и запишите – норвайский рикс Вован прибыл в Университет инкогнито и не желает, чтобы попусту трепали его благородное имя. Хочу учиться трансмутации. Таланта к ней не имею, но испытываю острую потребность освоить.

– Такой магии не существует.

– Это ваши проблемы.

– Да, но...

– Я всё сказал.

Ну а рыцарь фон Тетюш не стал издеваться над Джованни Морганом и представился как подобает. Правда, напоследок сообщил, что с детства мечтает освоить минно-взрывное дело и желал бы получить образование с пиротехническим уклоном. И чтоб практики побольше.

У статс-секретаря начало подёргиваться левое веко, но он превозмог себя и сделал запись без малейших возражений. Лучше уж оставить разбирательство с талантами новых студентов деканам и ректору, чем нажать язву желудка и нервные припадки за один неполный день.

– А вы, господин... э-э-э?

– Полковник в отставке Карл Гржимек. Имею склонность к погодной магии.

Джованни облегчённо вздохнул. Хоть один нормальный человек попался в этой шайке сумасшедших, да покарают их Небесные Боги!

– Теперь, когда с формальностями покончено, я покажу вам ваши комнаты и ознакомлю с внутренним распорядком Университета. Прошу следовать за мной, благородные господа и прекрасная дама.

Тем же вечером в кабинете ректора Императорского Университета графа Артура фон Юрбаркаса вновь собрался совет, посвящённый обсуждению всё той же темы. Но на этот раз право первого голоса было предоставлено статс-секретарю Джованни Моргану, инициатору собрания и возможному козлу отпущения в случае неисполнения невысказанного пожелания Его Императорского Величества. Ну а кому ещё отвечать, если не ему? Тем более он единственный неблагородный, так что его не жалко.

И вообще, секретарь сэра Артура в последнее время забрал слишком много власти и покусился на самое святое – на распределение премий по итогам учебного года. А это, между прочим, весьма солидные суммы! Так пусть наглый выскочка отрабатывает оказанное доверие и украденные деньги. Или ещё лучше – пусть у него всё получится со студентами из Груманта и ухудшение отношений между королевством и империей обязательно вызовет недовольство Его Императорского Величества. Даже при показном недовольстве голова виновника слетит с плеч.

Джованни Морган занимал привычное место за конторкой, но для доклада о проделанной работе вышел к столу ректора:

– Экселенц... господа деканы... – глубокий поклон в сторону первого и лёгкий наклон головы для вторых. – Господа, результатом проделанных мной действий стало то, что обсуждаемые нами грумантские дворяне наконец-то появились в стенах нашего университета.

– Да-да, мы уже это почувствовали, – с сарказмом произнёс главный целитель. – Когда вы начали ломать стены в общежитии первого курса, на моих занятиях как раз составляли снадобье против облысения. Для него нужны абсолютные тишина и спокойствие! Вы это понимаете?

Статс-секретарь вздрогнул, представив последствия нарушения процесса, и осторожно поинтересовался:

– Надеюсь, никто не пострадал?

– Не в том дело, Джованни! – грозно проревел декан целительского факультета. – Повышенная волосатость десятка студентов со временем пройдёт сама собой, но кто возместит стоимость услуг брадобреев? Особенно если учесть, что бриться нужно каждые два часа!

– Я обычно сам бреюсь.

– Человек благородного происхождения не привык пользоваться бритвой самостоятельно, Джованни! Впрочем, тебе этого не понять.

Гросс-магистр попытался разрядить обстановку:

– Расходы на брадобреев будут возмещены из жалованья господина Моргана. И скажите нам, Джованни, зачем вы ломали эти стены?

Статс-секретарь, донельзя огорчённый сообщением о будущих вычетах, обиженным голосом пробормотал:

– Пробивали проход между комнатами виконта и виконтессы Оклендхайм.

– Для чего?

– Для прохода, экселенц.

– Какого прохода?

– Между комнатами виконта и виконтессы Оклендхайм, экселенц.

Сэр Артур набрался терпения и сформулировал вопрос более полно:

– Зачем понадобился проход между комнатами? Разве им недостаточно дверей, ведущих в общий коридор?

– Я об этом спрашивал, но виконт Оклендхайм сказал, что вуайеристов и эксгибиционистов нужно искать в другом колхозе и что он не намерен шляться по ночам чёрт знает где и чёрт знает куда.

Гросс-магистр нахмурился и потребовал уточнений:

– Что подразумевается под понятиями «вуайерист», «эксгибиционист», «колхоз» и кто такой этот всезнающий чёрт?

– Даже не представляю, экселенц, – развёл руками Джованни. – Но если судить по интонациям, то за неизвестными словами скрывается нечто неприличное.

– Ну а чёрт?

– Неизвестное современной имперской науке существо, предположительно владеющее абсолютным знанием. Примерно теми же качествами обладает его ближайший родственник «хрен», который тоже всё знает. Отличительной чертой чёрта, простите за невольный каламбур, является наличие бабушки. По косвенным признакам, это очень гостеприимная старушка, охотно принимающая посланных в пешее путешествие путников.

Собравшиеся на совет деканы факультетов помолчали, усваивая новую информацию, а потом фон Зальца задал вопрос:

– Хотелось бы знать о дальнейших ваших действиях, господин Морган. Не поделитесь планами? Насколько я понимаю, блестящая идея с дуэлями провалилась с треском из-за бездарного исполнения?

– Она только начала осуществляться, и по первым неудачам нельзя делать скоропалительные выводы о неудаче. Всё впереди, уважаемый магистр.

– Ах, это только начало? А вы знаете, господин статс-секретарь, что за прошедшую неделю грумантские дворяне заработали на продаже трофеев ни много ни мало, чтоб им провалиться, а целых восемнадцать с половиной марок? Или вашей целью является превращение провинциалов из захудалого королевства в богатейших людей известного мира? В таком случае я попрошу учесть интересы присутствующих здесь лиц и договориться о доле в прибыли. Деньги, знаете ли, лишними не бывают.

Гросс-магистр улыбнулся удачной шутке декана – род фон Зальца уже несколько веков владеет крупнейшими соляными шахтами империи и по праву входит в десятку обладателей самых крупных состояний, удерживая почётное седьмое место. Фон Юрбаркасы с их золотыми приисками и серебряными рудниками в этом списке всего лишь на девятой строчке. Ну и как же теперь станет оправдываться бедняга Джованни?

Но статс-секретаря не так-то просто смутить. Он посмеялся вместе со всеми и продолжил:

– Ну так вот... остальных новоиспечённых студентов я расселил так, чтобы они испытывали максимальные неудобства от соседства с самыми буйными жителями нашего общежития. Так, например, отставного полковника Гржимека получилось разместить через стену от вашего племянника.

Фон Зальца поморщился при упоминании родственника, но потом хихикнул и одобрительно кивнул:

– Малютка Ганс с юных лет любит напиваться по вечерам до потери человеческого

облика, а потом всю ночь поёт песни. Небесные Боги, обычно милостивые к людям, обделили племянника слухом и голосом, оставив только громкость. Так что Гржимеку не позавидуешь! Остальным вы тоже приготовили похожие подарки? Только вот сомневаюсь насчёт северного варвара – его вряд ли проймают пьяные вопли.

– Для него есть более действенные способы, сэ.

– И какие же?

– Пусть это останется моим маленьким секретом. Но уверяю вас, господа, что результат приятно удивит всех, кроме самого норвайца. Вот как раз он удивится неприятно.

– Любопытно.

– Надеюсь, что в ближайшие дни ваше любопытство будет удовлетворено, сэ. Просто поверьте на слово.

Иоахим фон Зальца никому на слово не верил с самого раннего детства, поэтому от предложения статс-секретаря поморщился, как от зубной боли. И тут же вспомнил о важной проблеме, обратившись к главному целителю университета:

– Ваши бездельники, господин майор-магистр, ещё не придумали способ избавить человечество от больных зубов? Ладно, пусть не всё человечество, но меня одного можно вылечить?

Декан целительского факультета развёл руками:

– Увы, мой друг, но в этом случае магическое искусство бессильно. Если бы требовалось отрастить новую руку или ногу... или восстановить отбитые напрочь тестикулы, как недавно у вашего студента шевалье де ла Кошона. Кстати, что за лошадь его так лягнула?

– К сожалению, это не лошадь, – пояснил фон Зальца. – Мой лучший ученик и гордость всего факультета пострадал на дуэли с виконтом Оклендхаймом.

Взгляды участников Совета дружно скрестились на статс-секретаре, и тот, как автор идеи с поединками, почувствовал себя несколько неуютно.

– Позвольте вам объяснить, господа! – Джованни Морган нервно погладил лежащие на конторке листы бумаги. – Провинциалы из Груманта не соблюдают правил благородных дуэлей и пускают в ход любые подлые приёмы.

– А кто предложил отменить эти самые правила, Джованни? – уточнил гросс-магистр. – Ты думаешь, мне легко было убедить Его Императорское Величество пойти на такой шаг? Мы же не степные эльфы, в конце-то концов, и даже в смертельной схватке обязаны придерживаться определённых приличий. Нет уж, не сваливай на других собственную вину и не оправдывай её грубостью, подлостью и неотёсанностью грумантцев.

– Я приму меры, экселенц!

– И какие?

– Завтра вы всё увидите! Потерпите до завтра, экселенц!

* * *

Когда-то давным-давно, ещё в раннем детстве, маленький мальчик Вова Бородулин отличался завидным терпением. Даже в младенчестве он не орал от голода, а молча дожидался установленного для кормления времени. Впрочем, кормили его часто и помногу, так что к трём годам Вова на голову превосходил своих сверстников в росте и почти на треть в весе.

Но уже к школе терпение потихоньку пропадало, и в пятом классе оно окончательно лопнуло – вместе с носами и губами одноклассников, опрометчиво полагавших, будто «орясина», «дылда» и «горилла» не обижается на дружеские подначки. Пострадавшие не стали жаловаться ни учителям, ни родителям, но привели на следующую разборку двух семиклассников. Вот те так легко не отделались, и стрелка завершилась печально для всех участников.

Больше всех досталось Вове, правда, исключительно морально. Приведённый под конвоем из учителя физкультуры и трудовика в кабинет директора, он в течение получаса выслушивал лекции о недопустимости избиения старшеклассников, об опасности привычки к силовым методам решения проблем и прочем, залетающем в одно ухо и тут же вылетающем из другого. Разумеется, выволочка дурно повлияла на характер малолетнего бойца, и директриса была послана лесом, болотами и в горы. Физкультурник, попытавшийся ухватить увлѣкшегося Вову за ухо, получил удар по печени, сложился пополам и сразу же загорелся идеей воспитать в школе будущего чемпиона мира по боксу в супертяжёлом весе.

Увы, но образование пришлось продолжить в детско-юношеской спортивной школе. Вот там терпение начало понемногу восстанавливаться, и всё было бы нормально, если бы однажды будущих чемпионов не повели в театр на оперу «Борис Годунов». Буфет Вове понравился, но с тех пор появилось стойкое отвращение к оперному искусству и непреодолимое желание заткнуть мощным апперкотом любую громкую песню.

Вот и сейчас, когда в чуткий сон демона в человеческом обличье вторгся доносящийся из-за стены пьяный рѣв, старые фобии вскипели, и образовавшийся пар праведного гнева настойчиво потребовал выхода наружу. Принятый Вовой облик норвайского рикса тоже не способствовал миролюбию, так что северный варвар почесал голое пузо, зевнул с подвыванием, сунул ноги в тапочки с меховыми помпончиками и отправился на поиски источника шума. Не только паровозы нужно давить чайниками – любое зло должно быть пресечено при зарождении, иначе оно окрепнет и охамеет от безнаказанности.

Собственно, поиски любителя ночных песен не затянулись – вопли раздавались за соседней дверью. Недолго думая, норваец саданул ногой в хлипкую на вид преграду и заорал во всю глотку:

– Сова, открывай, медведь пришёл! Вместе с песцом пришёл!

Бумц... сколоченная из тонких досок дверка мало того что устояла, так она ещё больно ударила обидчика самой настоящей молнией. Обычная молния ярко-оранжевого цвета долбанула Вову точно в лоб, вызвав временное косоглазие и звон в ушах.

Скорее всего, неизвестный ночной певец неоднократно сталкивался с непониманием окружающих и озаботился неприкосновенностью своего жилища. А то набежит толпа зоилов и критиков, ничего не понимающих в высоком искусстве, и нагадит в душу. Нельзя так с творческими людьми! Душа у них нежная и ранимая, даже если они числятся студентами факультета бытовой магии Императорского Университета.

На шум выглянул всклокоченный виконт Оклендхайм:

– Какого чёрта, Вова? Все нормальные люди давно спят, а ты по коридорам шляешься и в чужие двери колотишься. Имей совесть!

– Моя совесть – что хочу, то с ней и делаю! – огрызнулся норвайский рикс. – Помог бы лучше.

– Чем именно помочь? – поинтересовался Иван.

– Открыть.

– Зачем?

Как раз в это время из-за двери раздался жизнерадостный вопль, ошибочно принимаемый исполнителем за песню.

– Сам не слышишь?

– А кто это?

– Представления не имею, но если поможешь открыть, то мы это узнаем.

Оклендхайм-младший поморщился от фальшивой ноты неизвестного певуна и мысленным нажатием на кнопку внутреннего магического компьютера установил в коридоре непроницаемую для звуков завесу. Потом уточнил:

– Этот ночной певец тебе обязательно живым нужен?

– Да вообще-то не хотелось бы начинать учёбу в Университете с укладывания трупов штабелями. Но если нет вариантов...

– Вариантов сколько угодно, – обрадовал друга Иван. – Попробуем самые щадящие способы или сразу что-нибудь серьёзное применим?

Вова почесал бритый затылок и решительно махнул рукой:

– Не будем размазывать манную кашу по столу! Работаем максимально жёстко!

– Как скажешь, – кивнул виконт и поставил галочку напротив пункта «Арест вооружённого преступника в жилых помещениях».

«Учитывать дружеские объекты? – уточнила магическая программа. – Да. Нет. Три секунды на принятие решения».

Иван выбрал «Да» и в ожидании действия магии уставился на дверь. Поначалу ничего не происходило, но через пару секунд всё здание бывшей казармы вздрогнуло, и даже сквозь звукопоглощающую завесу слышались многочисленные проклятия. Причём доносились они не только из интересующей друзей комнаты, но даже пробивались сквозь толстые стены и мощные перекрытия из всех уголков университетского общежития. Впрочем, продолжалось это недолго, так как треск разлетевшейся вдребезги двери заглушил все посторонние шумы.

– Неплохо, – оценил норвеец, задумчиво разглядывая кучу переломанных досок у дальней стены комнаты и чьи-то торчащие из-под завала грязные пятки. – Мне кажется, Ваня, что нам стоит сделать вид, будто нас с тобой тут сроду не было.

Оклендхайм-младший молча кивнул и, развернувшись, пошёл в сторону своей спальни. Как раз в этот момент он читал подробную инструкцию по применению заклинания «Арест вооружённого преступника в жилых помещениях» и чётко видел совершённые при его использовании ошибки.

Во-первых, нужно было обязательно отрегулировать мощность заклинания, иначе оно по умолчанию работает на максимуме. Ну а во-вторых, такими методами обычно обезвреживают действительно опасных преступников, и магия невидимого компьютера нисколько не беспокоится об их сохранности и здоровье. Кое-что для допроса и последующего суда осталось, и этого достаточно.

И вообще, магию против мирного населения следует применять с огромной осторожностью. Или дворян империи нельзя считать мирными жителями? Да, пожалуй, что так оно и есть... И чёрт с ними! Пусть Небесные Боги отличают правых от виноватых, а обыкновенному виконту такими вопросами заморачиваться необязательно.

– Ваня... – норвайский рикс осторожно окликнул застывшего перед дверью Ивана. – Ты не уснул?

– Пока нет, – встрепенулся Оклендхайм-младший. – Но уже на ходу засыпаю. Спокойной

ночи, сэр Вован!

– И вам того же, сэр Джонни! – Вова изобразил церемонный поклон, не слишком сочетающийся с тапочками и короткими нижними панталонами. – У нас во сколько утром лекции начинаются?

– Не проспийшь, здесь в колокол звонят.

– Ага, колокол, – кивнул норваец и пробормотал тихонько: – Не знаю зачем, но этот колокол мне очень нужен.

* * *

Коридор опустел, но тишина в нём сохранялась очень недолго – то тут, то там послышались стоны, крепкие выражения с упоминанием гномьих и эльфийских матерей, деревянный стук разгребаемых обломков дверей и громкие голоса, в которых безмерное удивление соседствовало с таким же безмерным ужасом:

– Господа, что это было? Хоть кто-нибудь может объяснить?

В ответ раздался вопль с вкраплениями страдальческих интонаций:

– Заткнись, придурок, и без тебя тошно!

Вызванный дежурным студентом-третьекурсником статс-секретарь Джованни Морган заявился в общежитие в халате и ночном колпаке. И остановился в самом начале длинного коридора, до глубины души потрясённый открывшимся зрелищем.

– На всех этажах так?

– Э-э-э... не совсем.

– В каком смысле?

– Здесь уцелели двери в комнаты новичков...

– Три?

– Да, три двери. И по одной на втором и третьем этажах.

– Четвёртый и пятый?

– Ни одной целой, всё вдребезги. И ещё, господин статс-секретарь... – дежурный немного помялся и шёпотом сообщил: – Ганс фон Зальца перестал петь.

Вот этой новости Джованни искренне удивился. Сам лично вручил племяннику декана факультета бытовой магии три кувшина креплёного трансильванского вина и надеялся, что песни будут продолжаться до самого утра. От такой дозы Малютка Ганс вряд ли свалится – опыт и комплекция не позволят, а голос должен достичь небывалой мощи. Во всяком случае, раньше так оно и случалось.

– Он живой?

– Не знаю, – пожал плечами студент. – В обязанности дежурного не входит проверка здоровья первокурсников.

Морган вздохнул, сожалея о невозможности заставить дворянина сделать хоть что-то не обозначенное уставом Университета, и отправился с проверкой сам. Осторожно подошёл к пустому дверному проёму, заглянул внутрь и услышал богатырский храп. Мощный и богатый оттенками храп сильного, сытого и пьяного человека, у которого нет проблем ни со здоровьем, ни с наличием совести.

– Да живой он! Даже вино не допил. Шевалье, вы не желаете пару стаканчиков трансильванского? – Странно, но дежурный, которому и предназначалось заманчивое

предложение, на него никак не отреагировал. Если учесть, что их назначали из провинившихся и попавшихся на лекциях в пьяном виде, ситуация немыслимая. – Шевалье, вы меня слышите?

Крик не помог, и статс-секретарю пришлось вернуться.

– Что-то случилось, господин Морган? – третьекурсник с завистью посмотрел на кувшин в руке Джованни. – Помочь?

– Да, помощь не помешает, – статс-секретарь поставил ёмкость с трансильванским на пол и указал на часть коридора перед комнатой Малютки Ганса. – Ничего необычного не видите?

Дежурный опять пожал плечами:

– Обыкновенная звуконепроницаемая завеса. На факультете бытовой магии такую изучают в начале второго курса. Обычно устанавливается в отхожем месте, дабы неприличные звуки не выходили наружу. Кто-то решил устроить в комнате Ганса фон Зальца общий сортир?

– На каком курсе изучают? – переспросил статс-секретарь, пропустив предположение мимо ушей.

– На втором.

– А в общежитии только первый курс. Шевалье, вы пропускали сюда посторонних?

Колокол на главной башне Университета прозвонил часа на три позже обычного, и прекрасно выспавшийся виконт Оклендхайм успел сделать зарядку, разминку, комплекс упражнений на растяжку, помахать мечом, имитируя бой с тенью, и лишь тогда разбудил сладко дремлющую молодую жену, недавно выбравшуюся из душа и снова отрубившуюся.

– Душа моя, ты мужа завтраком кормить собираешься?

– Зачем? – искренне удивилась ведьма, приподнявшись в постели на локте. – Зачем я заказывала шестнадцать новых платьев, если в них нельзя появиться в обществе? В кабаке поедим.

– Я, собственно, как раз это и имел в виду, – согласился Иван. – Давай одевайся побыстрее и идём исследовать местную харчевню. Только учти – утюга у нас нет.

– Ты кого-то собрался допрашивать?

– Нет, я намекаю на помятые в дорожных мешках платья.

– Ванечка, – ведьма со снисхождением посмотрела на мужа, – искусством гладить одежду без применения технических средств каждая женщина владеет с детства.

Ирка щёлкнула пальцами, заставив брошенные в углу свёртки подняться в воздух, и принялась рассматривать собственноручные подписи на них. Наконец выбрала один, пережгла упаковочную верёвочку взглядом и развесила возле кровати чёрный, шитый серебром брючный костюм.

– Дорогая, а не слишком мрачновато?

– В самый раз. Мы же не на праздник идём.

– Ну-у-у... первый учебный день в какой-то степени является праздником.

– Но не для меня. – Ведьма ещё раз щёлкнула, и складки с помятостями тут же исчезли. – Так нормально будет?

Иван подошёл к висящему в воздухе костюму, недоверчиво потрогал ткань и спросил:

– Как ты это сделала? Здесь для глажки используют цельнолитые чугунные утюги, подогреваемые заклинанием из раздела бытовой магии, но ты же ею не владеешь?

– Ну и что? Из-за какой-то мелочи в жёваной одежде ходить? – возмутилась Ирка. – Тем более хорошее ведьмовство даст сто очков вперёд любой магии.

– Бред! – уверенно заявил виконт, за что немедленно получил подушкой по голове. – И прекрати кидаться!

От второй подушки он увернулся, так же как и от брошенных тапочек, замаскированного под заколку стилета, серебряного подноса с огрызками яблок, неизвестно как попавшего в комнату кавалерийского седла имперского образца, эльфийского ятагана и открытой пудреницы. Последняя врезалась в силовой щит прямо перед носом и заставила расчихаться.

– Будешь ещё обзывать?

В знак примирения виконт поднял руки:

– Если объяснишь технологию глажения одежды, то больше не буду.

Ирка хмыкнула и занудным тоном старой учительницы-математички произнесла:

– Это элементарно, дорогой мой. Костюм поднялся в воздух после применения против него проклятия болезненного похудения, и так как худеть там нечему, то ткань просто теряет вес. Ты дома обращал внимание, что все левитирующие йоги очень лёгкие и тощие?

– У меня дома не было знакомых йогов.

- Да и чёрт с ними, – отмахнулась ведьма. – А погладить одежду ещё проще – насылаем на шмотки проклятие вечной эрекции... ой!
- Что-что ты насылаешь?
- Неважно, но после этого волокна распрямляются, и костюм получается лучше, чем если бы вышел из-под утюга.
- Не увливай от ответа! – нахмурился виконт. – Про какое проклятие ты только что говорила?
- Ванечка, честное слово, на тебе я его не испытывала!
- Точно?
- Точнее не бывает, – заверила рыжая, не забывая стремительно одеваться. – Мы завтракать идём?

* * *

Появление супружеской четы Оклендхаймов произвело противоречивое впечатление на посетителей университетской ресторации. Стоит уточнить, что подавляющее большинство завтракающих здесь студентов происходило из богатейших и родовитейших семейств империи, и их было трудно чем-либо удивить. Но новичкам это удалось довольно легко. В первую очередь отличилась леди Ирэна, цинично надругавшаяся над всеми правилами и приличиями, относящимися к ношению женской одежды.

Нет, конечно же, в империи смотрели сквозь пальцы на многие вольности – всё-таки просвещённое государство с древней историей, а не грязное эльфийское кочевье. Дамы с удовольствием надевали мужское платье в дорогу или на охоту, но чтобы вот так... Сколько же наглости нужно иметь для появления в сосредоточии науки и высокого искусства в столь вызывающем наряде? Хотя многие честно признались себе в исключительной привлекательности и соблазнительности открывшегося вида.

Разумеется, никаких откровений вроде глубокого декольте или выреза на спине до «на полметра ниже талии» не наблюдалось, но... И это самое «но» заставило многих судорожно сглотнуть слюну пересохшим ртом и принять охотничью стойку. Лишь воспитание удерживало имперских дворян от комментариев вслух и от активных действий. Удерживало, но не всех.

– Позвольте представиться, миледи, – упитанный толстомордый тип с неприятными чертами лица подскочил к Ирке и попытался поцеловать руку. Наткнулся носом на скрученную фигу, но не убавил галантной прыти. – Маркиз Нестор де ла Нечипайло к вашим услугам!

– Странная фамилия.

– Не странная, а очень древняя, миледи, – пояснил маркиз и повторил: – К вашим услугам, сударыня!

[Купить полную версию книги](#)